

Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія.

(Продолженіе ¹⁾).

*Патріархъ alexandрійскій, доліе братья и первое низложе-
ніе Златоуста.*

I. Въ монашескомъ мірѣ Нитріи и Сциты (Scété), между долиною Нила и хребтомъ ливійскихъ горъ, мірѣ кинувитовъ и анахоретовъ, гдѣ городами были монастыри и земледѣльцами отшельники, жили въ описываемое нами время четыре человека, хорошо извѣстные всему Египту подъ страннымъ прозвищемъ «доліе братья», которое дано было имъ за ихъ высокій ростъ, казавшійся еще большимъ отъ болѣзненной худобы—послѣдствія ихъ строгаго подвижничества. Съ почти дѣтскимъ простодушіемъ эти сыны пустыни соединяли высокій умъ и довольно глубокія познанія; воспитанными великой alexandрійской школы, гдѣ слѣпецъ—Дидимъ продолжалъ науку Климента и Оригена, они извѣстны были въ церковной литературѣ своими экзегетическими трактатами. Трогательное единокліе неразрывно соединяло этихъ сыновъ одной матери, и одной науки; о нихъ говорили, что у нихъ была одна общая мысль и воля, и такъ какъ они въ самомъ дѣлѣ были всегда и во всемъ согласны, какъ будто составляли одно существо, то ихъ и привыкли называть всѣхъ четырехъ однимъ собирательнымъ именемъ «доліе братья». Патріархи alexandрійскіе очень уважали ихъ. Аванасій, отправляясь въ

¹⁾ Смочри Труды К. Д. Академш, Ноябрь 1867.

341 г. въ изгнаніе, взявъ съ собою въ Римъ изъ монастыря втораго изъ нихъ Аммонія,—и въ вѣчномъ городѣ долго помнили этого истиннаго монаха, вздыхавшаго о пустынѣ среди столичнаго блеска. Съ окончаніемъ опалы Аѳанасія Аммоній простился съ міромъ, и опять возвратился въ свою пустыню, назавишуюся ему расмъ. Третій чреемникъ Аѳанасія, Теофілъ искалъ дружбы долгихъ братьевъ, бывшихъ славой нитрійскихъ монастырей, которые въ свою очередь были красой христіанскаго Египта. Онъ хотѣлъ приблизить ихъ къ себѣ, и особенно старался сдѣлать Аммонія однимъ изъ своихъ епископовъ. Встрѣчая со стороны египтянина постоянный отказъ (при первомъ словѣ о епископствѣ Аммоній убѣждалъ въ пустыню), Теофілъ послалъ взять его и посвятить насильно: такіе случаи были нерѣдки въ эту эпоху, когда, не смотря на испорченность свѣтскаго духовенства, въ монашескомъ духовенствѣ было много примѣровъ безкорыстія. Но Аммоній, ожидавшій этого, принялъ свои мѣры и показавъ посланнымъ Теофіла на свое, отрѣзанное ими самимъ, ухо, сказавъ: «ваше стараніе безуспѣшно, потому что я добровольно изувѣчилъ себя, а такіе люди, по правиламъ каноновъ, не могутъ быть допускаемы въ церковное управленіе». Третій братъ—Евоимій, вызванный подъ какимъ-то предлогомъ въ Александрію, получилъ особенное приказаніе патріарха заняться епископскимъ управленіемъ; но при первомъ удобномъ случаѣ онъ бросилъ все и скрылся въ ливійскихъ пустыняхъ. Такою же неговорчивостію отличался и четвертый изъ нихъ—Евсвій. Одинъ только старшій братъ—Діоскоръ уступилъ желанію быть полезнымъ на другомъ поприщѣ, и былъ опредѣленъ епископомъ малаго Гермополиса. Но эта безплодная епархія состояла изъ монастырей Нитріи и Сциты, и Діоскоръ почти не перемѣнилъ своего образа жизни, болѣе находясь въ своей пустынѣ чѣмъ въ маломъ Гермополисѣ. Всѣ четыре брата

вели тѣсную дружбу съ Исидоромъ, занимавшимъ въ александрійской церкви важный постъ великаго раздавателя милостыни; пребываніе Аммонія и Исидора въ свѣтѣ Аоанасія во время путешествія въ Римъ положило начало этой дружбѣ. Долгіе братья и Исидоръ часто видѣлись другъ съ другомъ, и часто послѣдній обращался къ ихъ мудрымъ совѣтамъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей должности, гдѣ ему часто приходилось бороться съ произволомъ и худыми наклонностями своего епископа.

Мы намѣрены здѣсь подробно описать личность Теофила, играющую важную роль въ церковныхъ дѣлахъ описываемаго времени, чтобы уяснить, какими судьбами онъ явился изъ Александріи на великую сцену Константинополя во время Златоусты. Современники говорили о Теофилѣ, какъ о величайшемъ богословѣ, но вмѣстѣ и самомъ не хорошемъ человѣкѣ своего времени. Обладая обширною эрудиціей, плодомъ глубокихъ занятій въ александрійской школѣ, умный, дѣятельный и проницательный, онъ совмѣщалъ съ этими качествами и многіе недостатки, служившіе для другихъ истиннымъ наказаніемъ; знаніе было у него только орудіемъ для честолюбія или ненависти, острота ума—средствомъ къ коварнымъ замысламъ, а дѣятельность—грозою для всего, что противоборствовало его стремленію къ полновластію. Собственный интересъ былъ исключительнымъ мотивомъ его воли, а его воля—единственнымъ закономъ для его церкви. Съ епископами своего округа онъ обращался какъ съ рабами, отрѣшая и низлагая ихъ безъ всякихъ объясненій при малѣйшей попыткѣ къ независимости; внѣ своего округа, хитро вѣсиваясь въ дѣла сосѣднихъ епархій, онъ являлся судьей постороннихъ епископовъ, судьей страшнымъ, потому что онъ пользовался ученымъ авторитетомъ, и отлученіе, совершенное имъ, всегда вызывало страхъ у однихъ, сомнѣніе у другихъ, и всегда было

смертельнымъ оружіемъ въ его рукахъ. Палестина и Сирія трепетали предъ нимъ, и многіе епископы ихъ округовъ добровольно подчинялись ему, какъ будто патріарху всего юга имперіи. Въ своей митрополіи онъ не только поставлялъ и низлагалъ епископовъ, но размѣщивалъ епархіи, уничтожая старыя, создавая новыя, сокращая или расширяя ихъ границы по своему произволу или расчету. При малѣйшемъ сопротивленіи со стороны подвѣдомыхъ ему священниковъ или монаховъ, онъ обращался къ строгимъ наказаніямъ—оковажъ, гемницѣ, изгнанію, и гражданскія власти не смѣли не содѣйствовать ему, такъ какъ онъ имѣлъ большую силу у императора и подкупаемыхъ имъ придворныхъ: «онъ держалъ, говорить современникъ, въ Константинополѣ на жалованьи шпионовъ и чрезъ нихъ зналъ все, что дѣлалось тамъ». Полученіе должности префекта александрійскаго зависѣло большею частію отъ него, и префектъ всегда помнилъ, съ какимъ епископомъ онъ имѣетъ дѣло. Такое всемогущество въ церковномъ и гражданскомъ мірѣ, доставившее Теофилу прозваніе христіанскаго фараона, удовлетворяло его стремленію къ власти, но у него была еще другая страсть—корыстолюбіе. Жадность Теофила была дѣйствительно изумительна. Онъ любилъ концы денегъ; кромѣ того ему правилось богатство, какъ средство къ пышности, доставляющей извѣстное вліяніе; наконецъ онъ любилъ деньги, какъ орудіе, которымъ онъ могъ подкупать, вредить другимъ, владѣть, —и онъ изобрѣталъ удивительныя способы къ пріобрѣтенію денегъ, способы не только не пятнавшіе его, но и доставлявшіе ему нѣкотораго рода славу. Такъ напримѣръ, со временъ Константина римскіе императоры держались извѣстной политики въ отношеніи къ языческому култу, предоставляя его храмамъ пустѣть самими собою и его дряхлымъ божествамъ умирать отъ прекращенія ихъ почитателей; мудрые законы даже защищали эти

древнія святилища отъ разрушенія и корысти, скрывавшихся часто подъ личиною христіанской ревности. Такъ, между прочимъ, были сохранены и египетскія святилища, и ихъ баснословныя богатства почти были не тронуты. Но эти богатства уже манили алчность Θεοφιλα. Языческій писатель говоритъ, что онъ первый поправилъ законы терпимости и уваженія къ языковымъ святынямъ, а характеръ дѣятельности Θεοφιλα показываетъ, что не религіозная ревность была единственнымъ и главнымъ его побужденіемъ въ этомъ отношеніи. Его борьбу дѣйствительно падалъ на храмы извѣстные своимъ богатствомъ, которые могли хорошо вознаградить его старанія, напр. храмъ Канопъ, противъ котораго онъ лично велъ разрушительный набѣгъ. Онъ не имѣлъ покоя также, пока не предпринялъ въ самой Александріи разграбленія Серапеума, который по своимъ громаднымъ богатствамъ считался первымъ въ мірѣ храмомъ послѣ Капитолія. Серапеумъ, весь состоявшій изъ храма, внутри былъ выложенъ свинцомъ, серебромъ и золотомъ; статуи накладнаго золота, богатые дары изъ дорогихъ камней, драгоценностей и массивнаго золота были тамъ въ изобиліи. Патріархъ лично повелъ осаду этого храма при участіи префекта и начальника милиціи, такъ какъ язычники рѣшились упорно защищать послѣднее убежище своей религіи; все было разграблено, а патріархъ вынулъ себѣ золотые идола, такъ какъ онъ, по словамъ современниковъ, не только не презиралъ ихъ, но напротивъ собиралъ богатую коллекцію изъ нихъ въ тайникахъ своего епископскаго дворца. Такъ накапливались сокровища Θεοφιла. Христіанскій міръ смотрѣлъ сквозь пальцы на подобныя грабительства, прикрываемыя христіанскою ревностію, но не такъ терпѣливо относился къ корыстному обращенію Θεοφιла съ церковными и частными имуществами. Θεοφилъ дѣйствительно слишкомъ бездеременно держалъ себя въ этомъ отношеніи, и

прямо расхищать богатое имущество церквей и благотворительных учреждений своего округа; даже сборъ на бѣдныхъ не ускользалъ отъ его рукъ. У него была сестра, которая отличалась такою же страстью къ золоту и обращала въ свою пользу приношенія и завѣщанія, назначаемыя чрезъ нее для церкви и бѣдныхъ; ея ловкость въ этомъ отношеніи была известна всей Александріи, и когда она умерла во цвѣтѣ лѣтъ, всѣ видѣли въ этомъ небесную кару. Теофилъ употреблялъ награбленныя деньги частью на роскошную обстановку своего епископскаго сана, превосходившую великолѣпіе гражданскихъ властей, частью на постройку церквей, изъ коихъ многія были очень хороши и о которыхъ онъ самъ распускалъ молву, вѣрный своей системѣ—прикрывать свои преступленія славой своего служенія церкви. Одинъ изъ его викарныхъ епископовъ изобразилъ состояніе христіанства въ Египтѣ подъ его управленіемъ слѣдующими горькими чертами. «Египетъ возвратился къ своему древнему нечестію; онъ отвергъ Моисея и принялъ сторону Фараона. Онъ терзаетъ слабыхъ и оскорбляетъ униженныхъ; онъ строитъ города и лишаетъ строителей задѣльной платы. Вотъ что онъ дѣлаетъ подъ управленіемъ Теофила, этого страстного поклонника злата». Другой современникъ прибавляетъ, что александрійскій патріархъ не отступалъ въ своей мстительности предъ убійствомъ, а третій такъ заключаетъ его характеристику: «онъ любилъ и покровительствовалъ только злыхъ людей, оставляя для добрыхъ преслѣдованіе».

Однажды въ 402 г. явилась къ Исидору богатая женщина и, вручая ему мѣшокъ золота, сказала: «здѣсь значительная сумма, жертвусмая мной для бѣдныхъ и чужестранцевъ; поклянись мнѣ страшною вѣтвой, что ты не позволишь Теофилу взять отсюда ни одного овла». Она умоляла его до тѣхъ поръ, пока онъ не поклялся въ томъ. Исидоръ былъ

человѣкъ честный и точный и бережно обращался съ вѣрными ему пожертвованіями, хотя и не могъ всегда отказывать произволу и алчнымъ требованіямъ своего епископа; на этотъ разъ, связанный клятвой, онъ ничего не сказалъ Теофілу о богатомъ приношеніи, но сама женищина по своей болтливости сдѣлала дѣло извѣстнымъ всему городу. Патріархъ смертельно возненавидѣлъ Исидора, но не осмѣлился личить его мѣста. Немного спустя, Исидоръ въ одномъ дѣлѣ еще болѣе раздражилъ своего начальника. Александрійской церкви слѣдовало получить одно наслѣдство по завѣщанію, сдѣланному чрезъ посредство сестры патріарха, но завѣщаніе было написано довольно неопредѣленно, какъ могло казаться; Теофілъ воспользовался этой неопредѣленностію и утверждалъ, что имущество завѣщано его сестрѣ: «самъ завѣщатель, говоритъ онъ, при жизни своей объяснялъ словесно, въ присутствіи Исидора, что онъ назначаетъ его моей сестрѣ, а не церкви». Исидоръ, призванный въ качествѣ свидѣтеля, объявилъ, что онъ не слыхалъ ничего подобнаго и вообще ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ. Съ этихъ поръ Теофілъ рѣшилъ въ умѣ своемъ погубить его. Но что же могъ онъ придумать противъ почтеннаго старца, бывшаго другомъ Аѳанасія, человѣка испытанной честности? Теофілъ прибѣгнулъ къ клеветамъ, но онѣ не удавались за неимѣніемъ доказательствъ. Въ одномъ изъ такихъ обвиненій, касавшихся церковной дисциплины, онъ попытался—было опереться на свидѣтельство долгихъ братьевъ, но встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны этихъ честныхъ монаховъ; услышавъ объ обвиненіи своего друга, они прямо называли такое обвиненіе ложью и клеветою, клятвенно утверждая, что во всемъ Египтѣ они не знаютъ болѣе заслуживающаго уваженія человѣка. Патріархъ, ожидавшій не того отъ долгихъ братьевъ за свое постоянное вниманіе къ нимъ, сначала смутился, но потомъ настоятельно

потребовалъ отъ нихъ подтвержденія его обвиненія. Тѣ съ презрѣніемъ отказались, и Теофилъ рѣшился погубить и ихъ. Но трудно было обвинить въ чемъ либо важномъ, заслуживающемъ отлученія, этихъ отшельниковъ, на которыхъ сама пустыня взирала, какъ на образцы аскетической жизни; для этого Теофилу понадобилось прибѣгнуть къ страшному оружію, которое онъ держалъ въ запасѣ на крайній случай, — обвиненію въ ереси. Здѣсь-то исторія додѣланныхъ братьевъ тѣснымъ и роковымъ образомъ связывается съ исторіей Іоанна Златоуста.

Въ то время во всей силѣ шли диспуты объ оригенизмѣ, поднятые въ Виллсепѣ Іеронимомъ, въ Іерусалимѣ Епифансомъ, епископомъ кирскаго Саламина. Вопросъ ставился о степени авторитетности Оригена, какъ писателя догматическаго, т. е. о томъ, что нужно принимать и что отвергать изъ ученій великаго александрійскаго ученаго, въ которыхъ къ вѣрѣ примѣшивалась фантазія и къ очень многимъ истинамъ — заблужденія увлекательной поэзіи. Черезъ полтора вѣка послѣ его смерти однѣ изъ самыхъ отвѣдныхъ его теорій были торжественно осуждены церковію, другія мало по малу исчезли предъ экзегетикою и соборными опредѣленіями догмата; но его школа тѣмъ не менѣе существовала, и имя Оригена окружено было въ ней почти божественнымъ ореоломъ. Въ остальномъ христіанскомъ мірѣ безъ увлеченія удивлялись твореніямъ этого великаго ума, восгадаясь или не соглашаясь съ ними во многомъ; но на востокѣ, особенно въ Египтѣ, дѣло не могло идти безъ столкновеній и борьбы. Наиболѣе поднимались споры въ нильской долинѣ по поводу предположеній Оригена о безформенности Божества. По ученію Оригена, Богъ, какъ чистѣйшій духъ, не могъ имѣть формы; Существо изъ существъ, источникъ жизни въ мірѣ физическомъ, истины и красоты въ мірѣ нравственномъ, Онъ

принимать опредѣленную форму только въ случаяхъ своей воли открыться человѣку. Такое религіозно-философское ученіе казалось непонятнымъ для умовъ, привыкшихъ къ буквальному пониманію ветхаго заветъа,—для нихъ Богу Оригена не доставало личности: въ Библии сказано, говорили они, что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему; въ свящ. книгахъ часто упоминается о зрѣніи, слухѣ, десницѣ и глѣвѣ Божіихъ; слѣдовательно Божество человѣкоподобно и имѣетъ форму. Къ такому заключенію приходили тѣ простые монахи, которыхъ послѣдователи Оригена съ презрѣніемъ называли антропоморфистами, а эти въ свою очередь клеймили тѣхъ именемъ атеистовъ. Между этими-то атеистами и антропоморфистами происходила борьба внутри монастырей, такъ какъ въ Египтѣ богословскіе диспуты живѣе всего отражались тамъ; въ глухихъ монастыряхъ и отшельническихъ кельяхъ этотъ антропоморфизмъ принялъ такіе размѣры, что alexandрійскій патріархъ счелъ своею обязанностию обратить серьезное вниманіе на него. Теофилъ анаематствовалъ послѣдователей такой дѣтской теоріи, и въ шты религиозной полемики называлъ всѣхъ, кто не уважалъ Оригена и не слѣдовалъ его ученію, антропоморфистами и еретиками. Отсюда-то и великій Іеронимъ, начавши въ Влѣтесѣ борьбу съ оригенизмомъ, получилъ громовой укоръ всемогущаго alexandрійскаго патріарха, и Елифаній, ученѣйшій мужъ востока, былъ названъ въ окружномъ посланіи Теофила къ церквамъ Египта, Палестины, Сиріи и Рима, «антропоморфистомъ и болтуномъ». Такова-то была въ это время, т. е. въ послѣдніе годы IV вѣка, ревность Теофила къ оригенизму. Онъ до того строго обращался съ монахами—антропоморфистами своего округа, что тѣ пытались было убить его. Собравшись однажды въ Александрію, они отправились къ патріарху съ посохами и скрытымъ оружіемъ; но Теофилъ, угадывая ихъ намѣреніе, высту-

пили къ нимъ и, какъ бы привѣтствуя ихъ приходъ, умиленнымъ голосомъ вскричали: «привѣтствую васъ, богоподобные мужи». Такой привѣтъ обезоружилъ совершенно монаховъ, бросившихся обнимать Теофила; богоподобные мужи возвратились въ свои кельи въ наивномъ восторгѣ, что патріархъ подобно имъ думаетъ о такомъ важномъ вопросѣ и что именно они обратили его. Такое внезапное превращеніе Теофила должны были почувствовать на себѣ долгиe братья. Вѣрные послѣдователи александрійской школы, они подобно самому патріарху слѣдовали возвышенной идеѣ Оригена о безформенности Божества, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ его заблужденія; настоятели нитрійскихъ монастырей и всѣ образованные монахи также раздѣляли ихъ убѣжденія, свободно читали и комментировали Оригена, а нѣкоторые изъ долгихъ братьевъ, какъ мы уже говорили, составили трактаты на эту тему, признанные православными. Но согласія впрочемъ не было въ этомъ благочестивомъ уединеніи; антропоморфизмъ проникалъ туда съ своей грубою нетерпимостію, не смотря на здравомысліе настоятелей и строгіе запреты патріарха. Вдругъ въ нитрійскихъ монастыряхъ узнаютъ, что Теофилъ перемѣняетъ рѣчь, сносится съ антропоморфистами монастырей и въ своемъ посланіи, конечно условленномъ съ ними, объявляетъ, что, строго слѣдуя св. Писанію, можно дѣйствительно приписывать Божеству голосъ, зрѣніе, слухъ, тѣло, потому что въ Библии говорится объ этомъ, а Библия вѣрнѣйшій источникъ истины, и при этомъ сильно негодуетъ на атеистовъ, осмѣливающихся отрицать личность Божества. Во всемъ этомъ нельзя было не замѣтить изумительнаго поворота въ другую сторону, но дѣло скоро объяснилось. А между тѣмъ, ободренные такимъ заявленіемъ патріарха и подстрекаемые при томъ тайными его сношеніями, антропоморфисты становились болѣе и болѣе притязательны и, по выраженію современника, «война воспламенилась въ царствѣ мира».

Къ этому времени прибылъ въ нитрійскія мѣста Исидоръ, лишенный своего мѣста и осужденный предавнымъ патріарху синодомъ. Убѣжденные въ его невинности, старые товарищи его уединенія спѣшили принять и ободрить его; но старецъ при видѣ этихъ мѣстъ, гдѣ онъ провелъ счастливые годы своей юности и куда возвратился осужденный, и при томъ несправедливо, впалъ въ мрачное отчаяніе. Безпокоясь за его жизнь, долгіе братья отправились къ патріарху, и просили его простить ихъ друга. Патріархъ обѣщалъ все, но ничего не сдѣлалъ. Они снова отправились, и Аммоній, говорившій отъ лица всѣхъ, откровенно настаивалъ, чтобы патріархъ исполнялъ свое обѣщаніе, «ибо, говорилъ онъ, ты намъ обѣщаль вто». Раздраженный такой настойчивостію, патріархъ призвалъ стражу и приказалъ отвести оскорбившаго его монаха въ городскую тюрьму; но три остальные братья объявили, что они не разлучатся съ Аммоніемъ и пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ въ заточеніе, и дѣйствительно отправились за конвоемъ по городскимъ улицамъ къ мѣсту заключенія преступниковъ. Народъ, которому извѣстна была ихъ благотворительность, сначала думалъ, что они по обыкновенію идутъ раздавать милостыню заключеннымъ, но узнавъ, что ихъ самихъ заперли въ тюрьму, пришелъ въ сильное волненіе: около тюрьмы стали собираться толпы народа, и почетнѣйшіе жители города спѣшили лично узнать о происшедшемъ. Смущенный Теофилъ послалъ четверемъ братьямъ приказаніе оставить темницу и явиться къ нему для объясненій; но братья отвѣтили посланному: «нѣтъ, мы не выйдемъ отсюда, — онъ самъ долженъ придти объяснитьсь съ нами». Положеніе становилось затруднительнымъ. Теофилъ приказалъ насильно вытолкать ихъ изъ темницы, но долженъ былъ допустить объясненіе слишкомъ горячее, какъ и можно было ожидать. Оскорбленные публичнымъ обращеніемъ съ ними, какъ съ преступ-

пить къ нимъ и, какъ бы привѣтствуя ихъ приходъ, умиленнымъ голосомъ вскричалъ: «привѣтствую васъ, богоподобные мужи». Такой привѣтъ обезоружилъ совершенно монаховъ, бросившихся обнимать Теофила; богоподобные мужи возвратились въ свои кельи въ наивномъ восторгѣ, что патріархъ подобно имъ думаетъ о такомъ важномъ вопросѣ и что именно они обратили его. Такое внезапное превращеніе Теофила должны были почувствовать на себѣ долгиe братья. Вѣрные послѣдователи александрійской школы, они подобно самому патріарху слѣдовали возвышенной идеѣ Оригена о безформенности Божества, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ его заблужденія; настоятели нитрійскихъ монастырей и всѣ образованные монахи также раздѣляли ихъ убѣжденія, свободно читали и комментировали Оригена, а нѣкоторые изъ долгихъ братьевъ, какъ мы уже говорили, составили трактаты на эту тему, признанные православными. Но согласія впрочемъ не было въ этомъ благочестивомъ уединеніи; антропоморфизмъ проникалъ туда съ своей грубою нетерпимостію, не смотря на здравомысліе настоятелей и строгіе заперты патріарха. Вдругъ въ нитрійскихъ монастыряхъ узнають, что Теофилъ перемѣняетъ рѣчь, сносится съ антропоморфистами монастырей и въ своемъ посланіи, конечно условленномъ съ ними, объявляетъ, что, строго слѣдуя св. Писанію, можно дѣйствительно приписывать Божеству голосъ, зрѣніе, слухъ, тѣло, потому что въ Библии говорится объ этомъ, а Библия вѣрнѣйшій источникъ истины, и при этомъ сильно негодуешь на атеистовъ, осмѣливающихся отрицать личность Божества. Во всемъ этомъ нельзя было не замѣтить изумительнаго поворота въ другую сторону, но дѣло скоро объяснилось. А между тѣмъ, ободренные такимъ заявленіемъ патріарха и подстрекаемые при томъ тайными его сношеніями, антропоморфисты становились болѣе и болѣе притязательны и, по выраженію современника, «война воспламенилась въ царствѣ мира».

Къ этому времени прибылъ въ нитрійскія мѣста Исидоръ, лишенный своего мѣста и осужденный преданнымъ патріарху синодомъ. Убѣжденные въ его невинности, старые товарищи его уединенія спѣшили принять и ободрить его; но старецъ при видѣ этихъ мѣстъ, гдѣ онъ провелъ счастливые годы своей юности и куда возвратился осужденный, и при томъ несправедливо, впалъ въ мрачное отчаяніе. Безпокоясь за его жизнь, долгіе братья отправились къ патріарху, и просили его простить ихъ друга. Патріархъ обѣщалъ все, но ничего не сдѣлалъ. Они снова отправились, и Аммоній, говорившій отъ лица всѣхъ, откровенно настаивалъ, чтобы патріархъ исполнилъ свое обѣщаніе, «ибо, говорилъ онъ, ты намъ обѣщаль это». Раздраженный такой настойчивостію, патріархъ призвалъ стражу и приказалъ отвести оскорбившаго его монаха въ городскую тюрьму; но три остальные братья объявили, что они не разлучатся съ Аммоніемъ и пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ въ заточеніе, и дѣйствительно отправились за конвоемъ по городскимъ улицамъ къ мѣсту заключенія преступниковъ. Народъ, которому известна была ихъ благотворительность, сначала думалъ, что они по обыкновенію идутъ раздавать милостыню заключеннымъ, но узнавъ, что ихъ самихъ заперли въ тюрьму, пришелъ въ сильное волненіе: около тюрьмы стали собираться толпы народа, и почетнѣйшіе жители города спѣшили лично узнать о происшедшемъ. Смущенный Теофилъ послалъ четверемъ братьямъ приказаніе оставить темницу и явиться къ нему для объясненій; но братья отвѣтили посланному: «нѣтъ, мы не выйдемъ отсюда,—онъ самъ долженъ придти объяснитьсь съ нами». Положеніе стало затруднительнымъ. Теофилъ приказалъ насильно вытолкать ихъ изъ темницы, но долженъ былъ допустить объясненіе слишкомъ горячее, какъ и можно было ожидать. Оскорбленные публичнымъ обращеніемъ съ ними, какъ съ преступ-

никами, долги́е братья, нисколько не забывалъсь предъ патріархомъ, высказали ему все, чего можно было ожидать отъ людей съ чистою совѣстью, боявшихся одного только Бога; Аммоній, говорящій по обыкновенію отъ лица всѣхъ, спокойно и съ достоинствомъ объяснялъ основанія своихъ поступковъ и обличалъ безчестное обращеніе съ ними патріарха. Теофилъ, мѣнявшійся въ лицѣ предъ каждымъ словѣ, то блѣднѣвшій, то краснѣвшій, то дрожавшій отъ сильнаго гнѣва, наконецъ не выдержалъ, бросился на говорившаго и, одной рукой схвативъ его за горло, а другой поражая по лицу съ такою силою, что кровь лилась изъ рта и ноздрей, кричалъ неистовымъ голосомъ: «еретикъ, анаематствуй Оригена». Послѣ такого объясненія, приведшаго долги́хъ братьевъ въ крайнее изумленіе, Теофилъ позвалъ стражу, приказалъ заковать ихъ и въ оковахъ отвести въ нитрійскую пустыню; прибавляютъ, хотя можно сомнѣваться въ томъ, будто патріархъ собственноручно заковывалъ Аммонія.

Когда эти несчастные прибыли въ свои монастыри подъ стражей и въ цѣпяхъ, монашеское населеніе ужаснулось: «стали вопрошать другъ друга, говорить современники, какія еще испытанія и наказанія пошлетъ Богъ своимъ сынамъ покаянія». Они скоро узнали это. Появилось посланіе патріарха, въ которомъ онъ, сѣтуя объ извращеніи вѣры въ нитрійской пустынѣ, повелѣвалъ сжечь всѣ книги Оригена и толкованія на нихъ, какія только есть въ монастыряхъ и кельяхъ; если же этому будутъ противиться или медлить, говорилось въ посланіи, то патріархъ лично явится потребовать исполненія. Пустынники поняли всю угрозу послѣднихъ словъ, относившихся преимущественно къ настоятелямъ, болѣе образованнымъ и независимымъ, чѣмъ простые киновиты. Между тѣмъ Теофилъ обѣщаніями и подкупамъ успѣлъ уже организовать въ этихъ честныхъ и святыхъ убѣжищахъ, называв-

михъ въ мірѣ градомъ Божиимъ, правильное піпѣнство, при помощи котораго онъ могъ знать, что дѣлалось тамъ каждый день, каждый часъ. Исторія заклеила безчестіемъ пять тавихъ измѣнниковъ, агентовъ Теофила, доносившихъ на своихъ товарищей и вызвавшихъ разореніе своихъ обителей: «это были, говоритъ хорѣшо знавшій все дѣло современникъ, темныя личности безъ имени и достоинства, чуждые Египту и никогда не допускаемые въ общество пустынниковъ, люди недостойные монашескаго сана, которымъ не хотѣли поручить даже должность привратника». Недостойнство этихъ людей не помѣшало впрочемъ Теофилу въ послѣдствіи трехъ изъ нихъ сдѣлать діаконами, одного пресвитеромъ, а одного епископомъ, для чего даже открыта была новая епископская кафедра, при неизбѣннѣ тогда вакантныхъ мѣстъ. Приготовивъ такимъ образомъ все, патріархъ съ своими піпѣнами согласился нанести рѣшительный ударъ. Въ условленный день эти пять монаховъ тайно оставили свои бѣлы и отправились въ Александрію. Явившись въ церковь, во время патріаршаго служенія, они простерлись предъ его сѣдалищемъ, показывая признаки величайшаго внутренняго волненія, и вручили ему прошеніе, очень хорошо извѣстное тому, потому что онъ самъ же составилъ его. Теофилъ принялъ это прошеніе и тотчасъ, по окончаніи служенія, показалъ его префекту Египта и начальнику милиціи, требуя отъ нихъ содѣйствія въ необходимыхъ, какъ онъ говорилъ, мѣрахъ строгости, и получилъ отъ нихъ въ полное распоряженіе значительный отрядъ войска, къ которому онъ присоединилъ еще своихъ прислужниковъ и толпу бродягъ (*scélérats*), какъ называетъ исторія обыкновенныхъ сподвижниковъ его насильственныхъ подвиговъ. Тайно вооруживъ этотъ отрядъ и напоявъ его по обыкновенію, патріархъ во главѣ его быстро отправился къ Нитріи; онъ рассчитывалъ прибыть къ монастырямъ вечеромъ для большаго

изумленія, и дѣйствительно уже наступила ночь, когда его отрядъ съ страшными воплями ворвался въ эти святыя убѣжища. Исторія говоритъ намъ, что это пастырское посѣщеніе было похоже на штурмъ города: нападашіе выбивали двери, переворачивали все вверхъ дномъ и, подъ предлогомъ разыскиванія книгъ, грабили все, что могли найти. Пораженные внезапностію и полумертвые отъ ужаса, виновиты скрывались по тайнымъ мѣстамъ, или разбѣгались глухими тропинками; благодаря ночной темнотѣ многіе настоятели успѣли спастись; долгихъ братьевъ, жившихъ внѣ монастырской ограды въ небольшомъ домѣ, сострадательные люди успѣли спустить на веревкахъ на дно цистерны. Когда солнце взошло надъ этимъ «градомъ Божиимъ», недавнимъ убѣжищемъ мира и созерцанія, оно освѣтило развалины: «дикій вепрь, говоритъ современнѣйшій повѣствователь, опустошилъ плодотворный вертоградъ Христовъ». Патріархъ сильно желалъ захватить долгихъ братьевъ и, когда узналъ о томъ, что они скрылись, пришелъ въ страшную ярость. Приказавъ вести себя въ ихъ жилище, онъ заставилъ при себѣ перерывать тамъ все: воины ломали стѣны, разбирали потолки, рыли землю, стараясь открыть ихъ тайное убѣжище, и сокрушали всѣ вещи; юный прислужникъ братьевъ въ нѣмощъ страхѣ смотрѣлъ на все это. Ярость Теофила переняла наконецъ и къ его прислужникамъ; обманутые въ своихъ поискахъ, они навалили въ домъ кучу вѣтвей и подожгли ихъ: все было истреблено пламенемъ, въ которомъ погибъ и прислужникъ братьевъ; сгорѣла библіотека, составлявшая ихъ сокровище и славу, а также часть св. евхаристіи, которую они, по обычаю первенствующей церкви, сохраняли для освященія своей обители. Говорятъ, что патріархъ самъ приказалъ поджечь этотъ домъ и ушелъ только тогда, когда все обратилось въ пепелъ.

Разбѣжавшіеся пустышники, къ которымъ присоединились и «долгіе братья»,—настоятели, пресвитеры, діаконы и

простые монахи, — въ числѣ трехсотъ собрались въ одномъ отдаленномъ мѣстѣ пустыни и думали сначала поселиться тамъ; но узнавъ, что противъ нихъ готовится вторичный походъ, рѣшились бѣжать изъ Египта, гдѣ съ этихъ поръ не могло быть для нихъ ни мира, ни спокойствія. Они думали отправиться въ Сирію, которая не подлежала управленію Теофила, а оттуда—куда приведетъ Богъ; назначивъ сборнымъ мѣстомъ западную сторону Чермнаго моря, на границахъ Палестины, они разошлись, и каждый отдѣльно старался пробраться чрезъ нильскую долину къ назначенному мѣсту. А между тѣмъ въ это время соборъ приверженныхъ Теофилу епископовъ осудилъ ихъ въ Александріи, какъ еретиковъ и возмутителей, и предаль отлученію. Сборнаго мѣста изъ трехсотъ несчастныхъ—отлученныхъ достигли только восьмидесять человѣкъ; остальнымъ помѣшали уныніе, бѣдность, утомленіе и отчаяніе. Собравшіеся были большею частію испытанные въ гоненіяхъ и бѣдахъ исповѣдники; нѣкоторые изъ нихъ, восьмидесятилѣтніе старцы, носили на своихъ тѣлѣхъ слѣды мученій отъ аріанъ при Валентѣ, составлявшіе ихъ гордость и славу, а другіе—слѣды строгаго подвижничества. Посоветовавшись между собою, они рѣшились отправиться сначала въ Іерусалимъ, а оттуда, послѣ краткаго отдыха, въ Константинополь, гдѣ они думали найти правосудіе у императора и покровительство у Іоанна Златоуста. Съ полнымъ упованіемъ на будущее, съ Исидоромъ во главѣ и тремя долгими братьями (старшій изъ нихъ Діоскоръ остался по обязанностямъ епископа), они издали послали прощальное привѣтствіе своимъ дорогимъ горамъ, сыпучимъ пескамъ и мѣдяному небу, имѣвшимъ для нихъ всю прелесть отчизны.

II. Они отправились въ путь безъ денегъ и запасовъ, но вездѣ находили состраданіе и помощь; въ Палестинѣ въ-

рующіе выйти къ нимъ на встрѣчу съ припасами и деньгами. Не такъ относились къ нимъ епископы, и многіе изъ нихъ прямо запрещали имъ пребываніе въ своихъ епархіяхъ. Дѣло было въ томъ, что ихъ вездѣ предупредила энциклика Теофила, объявлявшая ихъ отлученными еретиками и предостерегавшая епископовъ отъ общенія съ ними, а большая часть епископовъ, зная непреклонный характеръ александрійскаго патріарха, сочла благоразумнымъ уклониться отъ несприятности. Лучшимъ изъ нихъ былъ Іоаннъ, епископъ іерусалимскій. Можетъ быть потому, что добрая репутація Аммонія и его братьевъ располагала его въ ихъ пользу,—онъ принялъ бѣглецовъ съ открытыми объятіями. Ободренные такимъ благосклоннымъ приѣмомъ, они просили у него позволенія поселиться, хотя на время, въ скитопольскомъ округѣ, у подножія галилейскихъ горъ, гдѣ растущія въ изобиліи пальмы дали бы имъ возможность существовать своимъ трудомъ. Іоаннъ готовъ былъ согласиться, но вдругъ получилъ изъ Александріи письмо, остановившее его благосклонность; письмо это было отъ патріарха и заключало въ себѣ слѣдующія строки: «ты не долженъ быть, противъ моей воли, принимать въ свой городъ нитрійскихъ монаховъ, изгнанныхъ мною за преступленія; впрочемъ, если ты сдѣлалъ это по невѣдѣнію, то я прощаю тебя: старайся на будущее время воздерживаться отъ общенія съ людьми отлученными мною, и берегись давать имъ церковныя должности, или позволять имъ жить въ твоёмъ округѣ». Современный писатель, передающій это письмо, замѣчаетъ при этомъ, что «если Теофилъ не называлъ себя въ этомъ наглomъ посланіи Божествомъ, то вѣроятно воображалъ себя имъ, рѣшившись на подобныя требованія». Притомъ это письмо было не къ одному Іоанну іерусалимскому; это былъ циркуляръ ко всемъ палестинскимъ епископамъ, оказавшимъ малѣйшее гостепримство египетскимъ изгнанникамъ. Такое

всестороннее преслѣдованіе называлось на языѣ приверженцевъ Теофила «охотой за василисками».

Итакъ, Палестина, а вмѣстѣ съ ней и Сирія, были закрыты для долгихъ братьевъ съ спутниками,—вездѣ боялись всякаго столкновенія съ опаснымъ сосѣдомъ. Убѣждаясь въ своей печальной участи, они стали желать одного—какъ можно скорѣе добраться до Константинополя и искать покровительства у такого же независимаго епископа—Златоуста: въ одномъ изъ приморскихъ городовъ—Цезареѣ, или Яфѣ—они сѣли на судно и немедленно прибыли въ столицу, гдѣ появленіе ихъ вызвало не малое удивленіе. Конечно, въ великомъ византійскомъ городѣ попадались очень часто восточные типы, монахи въ разныхъ костюмахъ и разныхъ племенъ—арабы, сирійцы, каппадокійцы, персы; но монахи изъ египетскихъ пустынь были большою рѣдкостью, а Нитрія и Сцита представлялись почти баснословными странами. Эти монахи были новостью, ихъ костюмъ также поражалъ своею оригинальностью: ихъ ноги и руки были обнажены, и вся одежда ихъ состояла изъ кожи пустыннаго барана съ длиннымъ, бѣлымъ руномъ, называемой милотью. Изъ восьмидесяти выходцевъ изъ Египта въ Константинополь прибыло только пятьдесятъ, да и эти, не смотря на свое крѣпкое сложеніе, носили на себѣ признаки крайняго изнуренія и горькой скорби. Отдохнувъ въ гавани, они всей массой, съ Исидоромъ и долгими братьями во главѣ, отправились къ архіепископу, къ которому явились одни только долгиe братья. Повергшись по обыкновенію къ его стопамъ, они въ короткихъ словахъ рассказали обстоятельства, приведшія ихъ въ Константинополь, о которыхъ Златоустъ слышалъ только неопредѣленные толки, и прибавили, что они пришли къ нему искать безопасности для себя и просить ходатайства предъ императоромъ, которому они намѣрены жаловаться на жестокости своего патрі-

арха; при этомъ они представили ему свое обвинительное прошеніе. Златоустъ принять ихъ благосклонно и, спрашивая о причинахъ происшедшаго разногласія, заставилъ ихъ въ откровенной бесѣдѣ высказать свои взгляды на самые щекотливые пункты оригенизма. Самъ хорошо знакомый съ характеромъ восточнымъ, онъ скоро испыталъ этихъ искреннихъ людей и не открылъ въ ихъ вѣрованіяхъ ничего такого, что оправдало бы осужденіе ихъ соборомъ и отлученіе произнесенное патріархомъ. «Я позабочусь о вашемъ дѣлѣ, сказалъ онъ имъ, и постараюсь, чтобы или другой соборъ оправдалъ васъ, или вашъ патріархъ добровольно снялъ съ васъ свое отлученіе; положитесь въ этомъ дѣлѣ на меня». Что касается до прошенія, которое они хотѣли подать императору, то онъ совѣтовалъ имъ не дѣлать этого и не подвергать представителя церкви мірскому суду: «сама церковь, говорилъ онъ, должна судить церковныя дѣла; мірскимъ судамъ трудно понять споры въ области церкви»; затѣмъ, отпуская ихъ, прибавилъ: «мнѣ нельзя помѣстить васъ здѣсь, потому что я не могу принимать въ свой домъ людей осужденныхъ и отлученныхъ, пока это осужденіе и отлученіе не будетъ свято законнымъ образомъ, но я дамъ вамъ помѣщеніе при церкви Анастасіи, гдѣ о васъ позаботятся мои діакоиссы; по той же самой причинѣ вы не можете быть допущены къ таинствамъ, но можете впрочемъ вмѣстѣ съ нами участвовать въ церковныхъ молитвахъ». Наконецъ, онъ посовѣтовалъ имъ жить уединенно въ назначенномъ мѣстѣ, рѣдко показываться въ городѣ, и особенно молчать о цѣли своего путешествія, счастливое достиженіе которой будетъ зависеть отъ рѣшенія собора и его заботъ, такъ какъ постороннія вмѣшательства только запутали бы дѣло. Послѣ всего этого онъ приказалъ отвезти должныхъ братьевъ съ ихъ спутниками въ обширныя помѣщенія при церкви Анастасіи и, призвавъ къ себѣ діакоиссу

Олимпиаду, поручилъ ей позаботиться съ другими о снабженіи ихъ пищей и приличной одеждой.

Златоустъ сильно былъ озабоченъ всѣмъ этимъ дѣломъ, угрожавшимъ позоромъ для церкви, если такія венцы, какъ процессъ Исидора, разореніе нитрійскихъ монастырей и осужденіе безъ суда долгихъ братьевъ, стануть предметомъ жалобы, изслѣдованія, разбирательства и осужденія предъ мірскимъ судилищемъ. Онъ нисколько не сомнѣвался въ искренности долгихъ братьевъ, притомъ же онъ по собственному опыту зналъ Теофісія, какъ беззащитнаго противника и опаснаго интригана. Онъ имѣлъ съ нимъ дѣло во время своего избранія на константинопольскую кафедру. Александрійскій патріархъ, жившій тогда въ столицѣ имперіи, употреблялъ всѣ средства, какихъ едва можно ожидать отъ самаго непримиримаго противника, чтобы помѣшати избранію Златоуста, котораго онъ почти не зналъ, но которому уже завидовалъ; онъ согласился даже на посвященіе его послѣ избранія только по строгому настоянію императора или Евтропія. Поэтому Златоустъ былъ почти увѣренъ, что въ нитрійскихъ происшествіяхъ Теофісій заслуживалъ неодобрительные отзывы о немъ изгнанниковъ; но въ тоже время одна мысль о томъ, что великій епископъ—второе лицо въ церковномъ восточномъ мірѣ—будетъ потребовать какъ обвиненный предъ мірское судилище, невольно возмущала его. Едва только успѣли размѣстить пустынниковъ, какъ онъ, желая предотвратить готовящееся оскорбленіе епископскому достоинству, уже писалъ письмо къ alexandрійскому патріарху, умоляя его даровать ему, какъ брату и сыну, помилованіе изгнанниковъ во имя мира церкви и славы Божіей. «Я испытывалъ нитрійскихъ монаховъ, писалъ онъ, и поистинѣ не открылъ въ ихъ ученіи ничего противнаго правой вѣрѣ; но скорбь потемнила ихъ разсудокъ, и они думаютъ жаловаться на тебя импера-

тору, отложивъ подачу своей жалобы только по моей просьбѣ. Впрочемъ они съ сожалѣніемъ уступили мнѣ, и я боюсь, что они при первомъ случаѣ опять придутъ къ своему роковому рѣшенію. А потому, прошу тебя, сними съ нихъ самъ отлученіе, прости ихъ,—и все будетъ кончено; иначе нужно будетъ или прибѣгнуть къ собору, который я созову, или представить это прискорбное дѣло разбирательству мірскаго суда. Ожидаю твоего отвѣта и желаю знать, какъ ты думаешь объ этомъ, чтобы и мнѣ выбрать, какъ поступать въ этомъ случаѣ». Говоря о намѣреніяхъ долгихъ братьевъ, Златоустъ не ошибался: онъ понималъ, что эти простые, но твердые до упорства и раздраженные страданіями, люди не потерпятъ ни осторожности, ни отлагательства и, если онъ самъ не найдетъ средствъ дать имъ удовлетвореніе, ускользнуть отъ него безъ всякаго сомнѣнія. Съ своей стороны Теофилъ особенно ненавидѣлъ Златоуста, котораго славѣ онъ завидовалъ и котораго повышенію онъ пытался уже помѣшать, но въ тоже время долженъ былъ признавать его первенство въ церковной іерархіи. При чтеніи его письма, мудраго по своему предмету и умѣреннаго по формѣ, но въ которомъ Златоустъ становился судьей людей отлученныхъ имъ, объявлялъ ихъ, по испытаніи, православными, прибавляя, что если имъ не будетъ даровано прощеніе, то онъ—Златоустъ созываетъ соборъ для оправданія ихъ,—Теофилъ дрожалъ отъ ярости, и ненависть кипѣла въ немъ. Размышляя о томъ, что заставило Златоуста принять подъ свое покровительство нѣсколькихъ жалкихъ монаховъ, онъ могъ придумать двѣ только причины: желаніе повредить ему, или согласіе съ ученіемъ отлученныхъ, при чемъ онъ припомнилъ, что во время своего оригенизма онъ считалъ Златоуста въ своей партіи. Подобная мысль была мгновеннымъ свѣтомъ для подобной злотворной души, и онъ предпринялъ съ того времени величайшія интриги, чтобы уловить

въ одну сѣть и покровителя, и покровительствуемыхъ. На это время онъ коснулся вопросовъ дисциплины и церковнаго права, и послалъ Златоусту такой отвѣтъ: «я не думаю, что тебѣ неизвѣстны нивейскіе каноны, запрещающіе епископамъ судить дѣла не своего округа; если ты не знаешь ихъ, то прошу тебя—прочитай ихъ, и не принимай жалобы на меня; если я долженъ быть судимъ, то меня должны судить египетскіе епископы, а не ты, находящійся отсюда въ разстояніи семидесяти-пяти дней пути». Пятый нивейскій канонъ дѣйствительно запрещалъ епископамъ другихъ епархій принимать въ общеніе, или помогать тѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, которыя подвергнутся отлученію въ своихъ округахъ; но въ то же время тамъ была сдѣлана прибавка, чтобы освѣдомлялись,—не произошло ли то по какому либо недоразумѣнію и ошибкѣ со стороны епископовъ, или по какимъ либо личнымъ непріятностямъ. Златоустъ, слѣдовательно, былъ правъ въ своихъ дѣйствіяхъ относительно натрійскихъ отлученныхъ и ихъ патріарха: онъ хотѣлъ законнымъ образомъ узнать,—не было ли это осужденіе слѣдствіемъ ошибки или личнаго мненія. Напротивъ, Теофилъ упорно считалъ подобное вмѣшательство за грубое незнаніе церковныхъ постановленій и, желая показать все свое презрѣніе къ Златоусту и его покровительству, приказалъ арестовать старшаго изъ долгихъ братьевъ, бывшаго въ своей епархіи утѣшителемъ и опорой оставшихся тамъ пустынниковъ: онъ послалъ къ Діоскору воиновъ, которые грубой силой выгнали его изъ церкви и объявили о его низложеніи. Церковный приговоръ послѣдовалъ позже: не только епископъ малаго Гермополиса былъ низложенъ и отлученъ, но сама епархія его была уничтожена, какъ бы осверженная управленіемъ этого скромнаго подвижника. Діоскоръ немедленно поспѣшилъ присоединиться къ своимъ братьямъ въ Константинополѣ. Такой подвигъ Теофила служилъ дополне-

ніемъ его посланія къ Златоусту и достойнымъ его объясненіемъ. Но константинопольскій патріархъ какъ будто не чувствовалъ наглої обиды, какою Теофілъ отвѣчалъ ему на его просьбу: онъ даже снова писалъ къ нему, стараясь въ интересахъ церкви привести его въ болѣе спокойное состояніе, и въ тоже время умиротворялъ долгихъ братьевъ. Эти монахи съ своими спутниками, утомленные столькими проволочками, раздраженные и больные, съ трудомъ сдерживали себя; къ этому они испытали горькую утрату—смерть Исидора. Смотри на кончину этого произвольнаго виновника ихъ несчастій, умершаго на восьмидесяти-пятилѣтнемъ возрастѣ въ одной изъ келлій при Анастасійской церкви, на которыя они скоро начали смотрѣть, какъ на свое заточеніе,—они съ отчаяніемъ вопрошали другъ друга, не суждена ли уже и имъ такая смерть—въ изгнаніи, не добившись ни суда, ни правды. Въ такомъ состояніи находились они, когда новыя происшествія побудили ихъ къ свободѣ дѣйствій, а Златоуста освободили отъ всякой отвѣтственности въ печальныхъ нитрійскихъ событіяхъ.

Въ константинопольскую гавань явилось египетское судно съ посольствомъ отъ alexандрійскаго патріарха къ императору. Посланныхъ этихъ было пять,—одинъ епископъ и четыре настоятеля, въ числѣ коихъ были нѣкоторые изъ нитрійскихъ іппіоновъ, виновниковъ всѣхъ бѣдъ, получившихъ, какъ видно, очень скорѣ свою награду. Они привезли къ императору прошеніе о томъ, чтобы изъ Константинополя были изгнаны, какъ опасные и способные на все, бѣглые монахи, отлученные своимъ епископомъ и осужденные соборомъ за ереси, волшебства и наконецъ возмущеніе противъ церкви и государства: эти преступники были долгіе братья и ихъ спутники. Обвиненіе въ магіи или волшебствѣ, помѣщенное среди другихъ обвиненій, коварно рассчитывало на особенное вниманіе гражданской власти, такъ какъ къ волшебству того вре-

мени всегда почти примѣшивались честолюбивые происки и заговоры противъ императора, а потому дѣла подобнаго рода изслѣдовались особыми комиссіями, и уличенные наказывались жестоко, — ссылкой или смертію. Представить нитрійскихъ изгнанниковъ толпою волшебниковъ, значило возбудить противъ нихъ народную ненависть, подозрѣніе правительства и ярость придворныхъ льстецовъ. Посланные готовы были подтвердить свои обвиненія предъ императорскимъ судомъ, а для лучшаго исхода всего дѣла они были снабжены большими деньгами и подарками всякаго рода, такъ какъ alexandрійскій патріархъ, какъ мы уже замѣчали, имѣлъ при византійскомъ дворѣ наемныхъ друзей, готовыхъ помогать ему во всѣхъ его предпріятіяхъ. Притомъ необходимо замѣтить, что отношенія египетскаго прелата къ императорскому правительству были особенныя, единственныя въ восточной имперіи. Александрія продовольствовала Константинополь, какъ Карфагенъ питалъ Римъ, а потому ея епископъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ житницы, транспортную флотію и агентовъ ежегодной доставки хлѣба, уже de facto становился важною политическою личностію. Мѣсяцъ и даже недѣля замедленія въ доставкѣ могла произвести голодъ въ столицѣ; это хорошо помнили изъ случая обвиненія при Констанціѣ Аеліанасія въ намѣренномъ произведеніи голода въ Константинополѣ. Кромѣ того, постоянныя операціи доставки создали и въ Константинополѣ, какъ въ Александріи, довольно многочисленный классъ людей, которые почти всѣ были египтяне; а такимъ образомъ тотъ же самый патріархъ могъ располагать внутри императорской столицы цѣлымъ населеніемъ матросовъ, носильщиковъ, рабочихъ и торговцевъ всякаго рода, сосредоточеннымъ въ приморской части города, населеніемъ безпокойнымъ, всегда вмѣшивающимся въ волненія столичной черни и всегда готовымъ принимать участіе въ

церковныхъ спорахъ по знаку своего патріарха. Исторія Константинополя дѣйствительно свидѣтельствуешь, что египтяне, проживавшіе тамъ, были дѣятельными участниками въ столычныхъ смутахъ, бывшихъ наримѣръ во время борьбы Григорія Назіанзіна съ философомъ Максимомъ и во время избранія Іоанна Златоуста. Такое положеніе дѣлъ давало всегда при императорскомъ дворѣ египетскому прелату несравненно большее значеніе, чѣмъ прелатамъ Антіохіи, Тессалоники или Кесаріи; египетская ловкость довершала остальное. Не довольствуясь и теперь юридическимъ преслѣдованіемъ нитрійскихъ изгнанниковъ, посланные Теофила распустили по городу самыя возмутительныя слухи про нихъ, и вызывали тѣмъ общественное нерасположеніе къ нимъ, такъ что бѣдные монахи не могли показаться въ городъ безъ того, чтобы на нихъ не показывали пальцами, какъ на волшебниковъ. Они потеряли наконецъ всякое терпѣніе и рѣшились сами напасть на своихъ обвинителей; не говоря Златоусту, они подали прошеніе, въ которомъ вмѣстѣ съ изложеніемъ своихъ жалобъ обвиняли посланныхъ Теофила въ клеветѣ на нихъ, и наконецъ обвиняли самого александрійскаго патріарха, какъ главнаго виновника всей этой клеветы. Тогда-то Златоустъ публично отсекся отъ нихъ и объявилъ, что онъ не хочетъ впередъ имѣть съ ними никакого дѣла.

Странно сказать,—отдѣленіе Златоуста отъ нитрійскихъ монаховъ послужило послѣднимъ въ пользу у недруговъ его. Стали порицать Златоуста за то, что онъ оставилъ въ опасности пришедшихъ съ далекаго востока за его покровительствомъ, и что онъ сдѣлалъ будто это изъ горделиваго нежеланія, чтобы подобное ему лицо было подвержено мірскому суду, хотя бы императорскому; напротивъ хвалили мужество этихъ честныхъ людей, добродушно отказавшихся скорѣе отъ послѣдней опоры, чѣмъ согласившихся сносить безчестіе. Враги

Златоуста воспользовались этимъ случаемъ, чтобы очернить все поведеніе его относительно этихъ монаховъ: толковали, будто онъ отвелъ имъ помѣщеніе, похожее на темницу, гдѣ съ ними грубо обращались, что одинъ изъ нихъ умеръ отъ нищеты и голода (разумѣли здѣсь Исидора), и Златоустъ запретилъ воздать послѣдній долгъ умершему,—что дѣйствительно могло быть, такъ какъ каноническія правила запрещали допускать къ общенію таинствъ людей, пораженныхъ отлученіемъ отъ церкви. Дворъ въ свою очередь поощрялъ такіе толки,—и такимъ-то образомъ, къ досадѣ посланныхъ Θεофила, нитрійскіе монахи вошли въ моду. Не только стали ободрять ихъ рѣшимость искать правосудія у императора, но только принудили ихъ оставить свое прошеніе, но принятымъ обычаямъ, въ императорской преторіи, но когда вся панипура шла медленно, посовѣтовали лично обратиться къ самой императрицѣ, которая, говорили, дастъ всему дѣлу благопріятный ходъ. Однажды, когда августу ожидали въ церкви св. Іоанна Предтечи, явились туда нитрійскіе монахи подъ предводительствомъ долгихъ братьевъ, и разспрашивались въ порядкѣ по дорогѣ императрицы. Евдоксія прибыла въ своей царской колесницѣ, окруженная свитой, и сначала удивилась при видѣ толпы кланяющихся ей монаховъ; но потомъ, узнавъ ихъ по странному росту и высокому росту долгихъ братьевъ, она высунулась изъ колесницы и дала знакъ послѣднимъ подойти къ ней. Когда они приблизились, она сказала имъ: «благословите меня, мои братья, и молитесь за меня, моихъ дѣтей, императора и царство; я знаю ваши просьбы, но не отъ меня зависитъ скорѣйшее созваніе собора для вашего оправданія, котораго вы заслуживаете; мнѣ желательно кромѣ того, чтобы сюда былъ вызванъ и вашъ патріархъ—дать отвѣтъ въ сдѣланномъ вамъ алѣ». Долгіе братья и ихъ спутники были въ восторгѣ. Дѣйствительно, сдѣланъ

былъ важный шагъ: сама Евдоксія приняла сторону нитрійскихъ изгнаниковъ, а она принялась за это дѣло съ женскою настойчивостію. Черезъ нѣсколько уже дней всѣ формальности были пройдены: декретъ о созваніи собора былъ подписанъ императоромъ, судьямъ было приказано разобрать дѣло о египетскихъ посланныхъ; потребовали вызова самого Теофила, къ которому Евдоксія даже послала одного изъ своихъ чиновниковъ Елафія—вручить лично самому патріарху, въ Александрію, вторичное приказаніе явиться предъ лицо будущаго собора и императора.

Прибытіе Елафія и внезапный поворотъ всего дѣла, ставившій патріарха обвиняемымъ, а отлученныхъ имъ его обвинителями, были для Теофила громовымъ ударомъ. Во всемъ этомъ онъ видѣлъ искусный маневръ Златоуста, мстившаго теперь ему за презрительный отказъ его къ примиренію; но онъ умѣлъ однако сдержать свой гнѣвъ: «Теофилъ, говорить его современникъ, молчалъ, но его молчаніе было не благознаменательно». Онъ принялъ Елафія со всѣмъ уваженіемъ къ пославшей его и порученію, возложенному на него, но не сказалъ ему ничего опредѣленнаго; онъ выставилъ обязанности свои и различныя другія причины, не позволявшія ему тотчасъ же отправиться въ путь, но въ то же время торжественно обѣщавъ явиться въ Константинополь въ самый непродолжительный срокъ. Вотъ все, что могъ сказать Елафіій императрицѣ. На самомъ же дѣлѣ Теофилу, послѣ такого внезапнаго и сильнаго удара, необходимо было опомниться и приступить къ новымъ интригамъ противъ того, что онъ называлъ интригами своего соперника, а для этого нужно было время. Немедленно онъ приступилъ къ своему дѣлу. Спаситись самому, снискать благосклонность императора и погубить Златоуста,—вотъ проблема, надъ рѣшеніемъ которой сталъ работать теперь его умъ; о дощихъ братьяхъ онъ

пересталъ и думать, ихъ дѣло исчезало въ его глазахъ предъ призракомъ великой борьбы, открывающейся между двумя первыми патріархами востока. Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе останавливался на той мысли, что самымъ скорымъ и вѣрнымъ средствомъ привести Златоуста въ затрудненіе было бы—пріискать муза величайшаго авторитета, въ дѣлѣ церковной дисциплины и ученія, побудить его явиться предъ Златоустомъ и потребовать отъ него отчета, во имя нарушенныхъ законовъ дисциплины, въ томъ покровительствѣ, какое онъ оказывалъ отлученнымъ епископомъ и соборомъ, а также, во имя православія, испытать его собственную вѣру, какъ сообщника отлученныхъ людей; вопросъ объ оригенизмѣ привмѣшался бы сюда; константинопольскій патріархъ былъ бы преслѣдуемъ, какъ еретикъ, съ долгими братьями, и Теофилъ бы уничтожилъ своего противника. Таковъ былъ адскій планъ, на которомъ онъ остановился; нужно было только найти такого вліятельнаго и честнаго человѣка, который бы могъ, самъ того не сознавая, услужить своимъ авторитетомъ, богословскимъ знаніемъ и ревностію страстямъ другого. Теофилъ думалъ, что онъ нашелъ такого именно человѣка въ лицѣ прежняго своего противника—почтеннаго Елифанія, епископа кипрскаго Саламина.

III. Елифанію было въ это время не менѣе восьмидесяти лѣтъ. Въ свое время, онъ жертвовалъ жизнью и счастіемъ для борьбы съ ересями, терпѣлъ голодъ, жажду и непріятности, преслѣдуя и въ аравійскихъ пустыняхъ отступленія отъ истинной вѣры, и прославился, какъ твердый хранитель апостольскаго преданія; но въ описываемое нами время, когда Теофилъ задумалъ сдѣлать его орудіемъ ненависти и раздора, отъ Елифанія прежняго осталась одна только тѣнь. Годы не ослабили его дѣятельности, но имѣли большое вліяніе на его умственно-нравственное настроеніе. Въ прежнее время,

когда кипрскій епископъ—глава антиоригенистовъ былъ противникомъ александрійскаго патріарха, какъ главы оригенистовъ, Теофилъ обращался съ нимъ, по обыкновенію, очень нагло, называя его въ своемъ посланіи болтуномъ и антропоморфистомъ и угрожая ему отлученіемъ; теперь же, не смотря на такую публичную обиду, ему достаточно было одного слова, чтобы примирить Епифанія съ собою и подчинить его своей волѣ. Онъ написалъ ему, что если его мысли въ темномъ дѣлѣ оригенизма нынѣ совершенно перемѣнились, если повязка спала съ его глазъ и онъ увидѣлъ свѣтъ, то онъ долженъ этимъ тѣмъ снисходительнымъ внушеніямъ, какія дѣлалъ ему саламинскій епископъ, которому, какъ великому ученому, свѣтилъ православія, и принадлежать собственно обращеніе его на путь истины. Такая похвала должна была прельстить Епифанія, и она, дѣйствительно, прельстила его. Престарѣлый епископъ былъ такъ радъ, что возвратилъ къ православію такого знаменитаго и занимающаго высокое мѣсто въ церкви чеховѣка, что рѣшился отнынѣ содѣйствовать ему во всемъ. Такимъ-то образомъ Теофилъ, издѣвавшійся надъ всѣмъ, успѣлъ сдѣлать этого чистосердечнаго старика участникомъ своихъ преступныхъ замысловъ.

Для дѣятельности самомнительнаго Епифанія представлялся теперь самый удобный случай. Въ Константинополѣ готовился соборъ для обсужденія поведенія долгихъ братьевъ, ихъ религіозныхъ мнѣній и законности постигнушаго ихъ приговора: все это былъ тотъ же знакомый ему вопросъ оригенизма, только первый разъ торжественно поднимаемый въ столицѣ имперіи, предъ лицомъ императора и епископовъ всего востока. Кто же будетъ заправлять соборными рѣшеніями? кто выяснитъ правила вѣры противъ заблужденія? кто будетъ путеводителемъ почтенныхъ, но иногда мало образованныхъ духовныхъ лицъ Фригіи, Киликіи, Арменіи и Фракіи,

когда они на соборѣ вступятъ въ этотъ лабиринтъ философскихъ утонченностей и полу-христіанскихъ ученій, какія часто встрѣчаются въ твореніяхъ Оригена? Положеніе дѣлъ тѣмъ болѣе становилось темнымъ и запутаннымъ, что и самого константинопольскаго патріарха упрекаютъ, можетъ быть и въ невинномъ, покровительствѣ должнымъ братьямъ. Не лежалъ ли поэтому долгъ на самомъ Епифаніѣ, открывшемъ борьбу съ оригенизмомъ, довести ее до конца, послужить собору своими познаніями, указать путь къ точному и полному опредѣленію православнаго ученія, и такимъ образомъ, на закатѣ дней, защитить церковь отъ величайшей, по его мнѣнію, опасности? Таковы были мысли, занимавшія Епифанія, когда онъ въ декабрѣ 402 г. получилъ посланіе отъ alexandрійскаго патріарха; по крайней мѣрѣ, это посланіе должно было пробудить въ его душѣ именно подобныя мысли. Посланіе дѣйствительно разсуждало о будущемъ соборѣ. Теофилъ, посылая ему копію актовъ alexandрійскаго собора, осудившаго долгихъ братьевъ, просилъ его составить самому, или съ помощію кипрскихъ епископовъ, его учениковъ, краткое исповѣданіе вѣры противъ оригенизма; это исповѣданіе, писалъ онъ, должно быть разослано всѣмъ епископамъ Азіи, Восточной и Киликіи, вмѣстѣ съ актами alexandрійскаго собора и его личными объясненіями касательно отлученія долгихъ братьевъ, а равно и константинопольскому патріарху, чтобы послѣдній не могъ отговариваться своимъ невѣдѣніемъ на счетъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ. Послѣдняя мысль особенно понравилась Епифанію, потому что какаѣ бы была для него слава, послѣ обращенія на истинный путь alexandрійскаго патріарха, сдѣлать тоже для патріарха столицы имперіи! Совѣтъ Теофила былъ принятъ. Кипрскій митрополитъ, собравъ своихъ викаріевъ, составилъ полное исповѣданіе вѣры, направленное противъ Оригена и его послѣдователей; потомъ синодальное по-

становленіе это съ энцикликами обоихъ епископовъ было разослано по всему востоку. Къ патріарху же столицы имперіи, какъ лицу высоко-поставленному, Епифаній думалъ было отправить одного изъ своихъ пресвитеровъ, уполномоченнаго не только передать ему посланіе, но и открыто высказать ту отвѣтственность, какую тотъ принялъ на себя покровительствомъ осужденныхъ еретиковъ. Но уполномоченному Епифанія не представлялось случая отправиться въ путь, и Теофилъ, располагавшій болѣе скорыми и частыми средствами сообщенія, рѣшился самъ послать Златоусту энциклику Епифанія и синодальныя постановленія, съ слѣдующею собственноручною припискою: «прилагаемые документы очень важны; прошу тебя подумать надъ ними и не закрывать своего сердца отъ увѣщаній святаго епископа, рѣшенія котораго признаются всѣмъ христіанскимъ міромъ». Златоустъ сначала было подумалъ, что его приглашаютъ къ участию въ одномъ изъ тѣхъ богословскихъ диспутовъ, въ которыхъ Епифаній провелъ всю свою жизнь; склонный по своей природѣ болѣе къ нравственному приложенію евангельскихъ истинъ, онъ всегда имѣлъ мало охоты къ подобнымъ преніямъ, напоминавшимъ ему риторскія школы, а потому первымъ движеніемъ его было—отложить въ сторону присланное и замѣтить: «очень мнѣ нужно волновать свой народъ всѣмъ этимъ, какъ будто на мнѣ не лежитъ прямая обязанность питать его другою пищей—проповѣданіемъ слова Божія»! Но, между тѣмъ, онъ сталъ подозрѣвать что-то, и опять внимательно перечиталъ посланія. Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о странномъ союзѣ Теофила и Епифанія, странной дружбѣ коварства и добродѣтели, тѣмъ болѣе приходилъ въ безпокойство и наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ окружающимъ его друзьямъ: «эти люди хотятъ моего низложенія, но имъ не легко будетъ сдѣлать это; я останусь на своей кафедрѣ, потому что самъ

Богъ возвелъ меня на нее»; потомъ прибавилъ кроткимъ голосомъ: «я всегда намѣренъ исполнять свой долгъ до конца; о, еслибы могъ я этимъ достигнуть прощенія своихъ погрѣшностей и спасенія своей души!» Сначала онъ не думалъ отвѣчать, положившись во всемъ, какъ говорилъ онъ, на Бога; но потомъ онъ рѣшился отвѣтить кратко, скромно и безъ колкостей. Письмо его содержало въ себѣ слѣдующее: «если справедливо, что въ скоромъ времени въ Константинополѣ откроется соборъ для точнаго изслѣдованія того, о чемъ удостоиваются увѣдомить его епископы и братья, то онъ будетъ ожидать его преній; но слѣдуетъ ли, пока еще не состоялось рѣшеніе церкви, предварять это рѣшеніе осужденіемъ чего бы то ни было, или новымъ прибавленіемъ,—онъ не думаетъ, а впрочемъ благодарить своихъ собратій за ихъ заботливость о немъ». Нѣкоторая укоризна, слышная между мудрыми строками этого отвѣта, раздражила Епифанія въ высшей степени, и, такъ какъ константинопольскій патріархъ не хотѣлъ признать за нимъ догматическаго авторитета, предъ которымъ преклонился патріархъ александрійскій,—онъ рѣшился отправиться самъ въ столицу, лично обличить Златоуста предъ народомъ и исправить его, или низложить, если то окажется нужнымъ. Когда Теофилъ узналъ о такомъ рѣшеніи, на которое онъ никогда не смѣлъ и рассчитывать, онъ пришелъ въ восторгъ и, предоставивъ дѣйствовать Епифанію, самъ остался.

Былъ уже конецъ февраля или начало марта 403 года, и для восьмидесятилѣтняго старца путешествіе отъ Кипра въ Константинополь было тяжело и опасно при сильныхъ зимнихъ вѣтрахъ, затрудняющихъ плаваніе возлѣ цикладскихъ острововъ и переправу чрезъ Геллеспонтъ; но Епифаній, не смотря на то, прибылъ въ Константинополь немедленно. Не останавливаясь въ большой гавани, онъ высадился въ небольшомъ заливѣ, откуда онъ могъ, обогнувъ городъ, вступить въ предъ-

мѣстѣ гебдомонское и возвѣститъ о своемъ прибытіи въ церкви св. Іоанна Крестителя. Константинопольскія предмѣстья со времени Феодосія составляли нѣкоторымъ образомъ нейтральную почву въ религіозномъ отношеніи: туда, какъ мы видѣли, были отодвинуты этимъ императоромъ аріанскіе храмы; тамъ же жили другіе сектанты и наконецъ духовенство, бывшее въ разладѣ съ патріархомъ. Благодаря можетъ быть покровительству императрицы, оказывавшей особенное вниманіе церкви св. Іоанна Крестителя, этотъ храмъ сталъ принадлежностью духовенства, питавшаго сильную неприязнь къ Златоусту. Въ область такого-то отдѣливагося духовенства вступилъ Епифаній. Встрѣченный въ этой церкви почти съ триумфомъ, онъ торжественно служилъ въ ней, когда въ концѣ служенія подвели къ нему молодого человѣка для посвященія во діаконы. Епифаній былъ не въ своей церкви, служилъ тамъ безъ согласія мѣстнаго епископа, и уже этимъ самымъ позволилъ себѣ нарушеніе каноническихъ постановленій; согласиться на посвященіе человѣка, котораго онъ совершенно не зналъ, безъ вѣдома мѣстнаго епископа—было вопіющей несправедливостію. Не смотря на то, онъ взялъ поднесенныя ему на серебряномъ подносѣ ножницы, совершилъ постриженіе и произнесъ формулу посвященія надъ будущимъ діакonomъ. Враждебная Златоусту партія увеличилась еще однимъ человѣкомъ. Послѣ этого Епифаній отправился, среди общихъ привѣтствій, въ городъ; у Золотой гавани онъ былъ встрѣченъ высланнымъ для того духовенствомъ, а у епископскаго дворца самимъ Златоустомъ, который привѣтствовалъ его и предложилъ ему свое гостепріимство. Епифаній холодно отвѣтилъ, что для него приготовлено помѣщеніе его друзьями, и, когда тотъ продолжалъ наставлять, сказалъ: «послушай, я останавлиюсь у тебя, если ты сейчасъ же повлияешь мнѣ, что отлучишь долгихъ братьевъ и воспретишь

обращеніе въ твоемъ городѣ твореній ересіарха—Оригена». Златоустъ спокойно отвѣчалъ ему: «ты хорошо знаешь, что скоро будетъ соборъ, который займется всѣмъ этимъ; неприлично мнѣ предвѣщать его рѣшенія». Тогда Епифаній гнѣвно вскричалъ «а, если же такъ, то я уйду» и, прекративъ разговоръ, приказалъ проводить себя въ помѣщеніе, приготовленное ему агентами Теофила. На другой день утромъ Златоустъ, желая предотвратить готовящійся разрывъ, отправилъ къ нему многихъ пресвитеровъ съ приглашеніемъ принять участіе въ служеніи. «Я готовъ, сказалъ Епифаній, но подъ однимъ условіемъ, котораго я требовалъ вчера отъ вашего епископа и въ которомъ онъ отказалъ мнѣ. Согласенъ ли онъ на это»? Пресвитеры замолчали и удалились. Съ этого дня оба епископы болѣе уже не видались другъ съ другомъ.

Съ этого же времени домъ Епифанія, вмѣстѣ съ домомъ Евграфія, сталъ сборнымъ мѣстомъ враговъ Златоуста. Туда стекались изгнанные клирики и недовольные пресвитеры; первую роль играли тамъ Северіанъ, опять сбросившій свою личину и разорвавшій обѣщанный имъ миръ, Антіохъ птолемаидскій и Анакій берейскій; кромѣ того, туда во множествѣ стекались пріѣзжіе епископы и духовные, не принадлежащіе ни къ какой партіи, но привлекаемые славою имени Епифанія. Нужно, впрочемъ, сказать, что престарѣлый епископъ, кромѣ вопроса объ оригенизмѣ и отлученіи долгихъ братьевъ, не принималъ участія въ тѣхъ личныхъ обвиненіяхъ, которыми преслѣдовали Златоуста; онъ весь былъ занятъ ошибочною идеей, будто Златоустъ былъ самъ оригенистъ, имѣлъ общеніе съ оригенистами, и въ своемъ ученіи слѣдовалъ этому ересіарху, противъ котораго столько анаематствовалъ Епифаній; на остальное онъ почти не обращалъ вниманія. Поэтому, въ домѣ Епифанія происходили чисто-ученныя засѣданія, гдѣ авторъ знаменитыхъ богословскихъ трактатовъ раз-

вквалъ свои обширныя познанія тѣмъ съ большимъ жаромъ, что любимая его тема была малоизвѣстна большинству его слушателей, какъ онъ замѣтилъ это сразу. Посторонніе люди, не понимавшіе сущности всего дѣла и привлекаемые одною только любовью къ истинѣ, иногда возвращались отсюда въ изумленіи отъ всего слышаннаго, что и подало поводъ къ одному случаю, которымъ воспользовались друзья Златоуста и надъ которымъ смѣялись язычники и люди безразличные, готовые всегда смѣяться надъ всѣмъ. Въ числѣ болѣе любознательныхъ и честныхъ лицъ подобныхъ собраний былъ одинъ готъ, воспитанный въ Греціи, обратившійся потомъ въ христіанство, сдѣланный пресвитеромъ и принявшій имя Теотима. За оказанныя услуги и апостольскую ревность онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ малой Скиѳіи, провинціи у устья Дуная, и жилъ въ Томахъ, мѣстѣ ссылки Овидія, ставшемъ въ V вѣкѣ великимъ рынкомъ для міра гунновъ и готовъ, а также мѣстопребываніемъ христіанскаго апостольства. Теотимъ былъ не только епископомъ, но также врачомъ и посредникомъ между варварами, приходившими въ этотъ городъ по извѣстнымъ днямъ, и римскими колонистами, почти столь же дикими, торговавшими или воевавшими съ варварами. Бѣгло говоря на ихъ нарѣчіяхъ, въ полу-варварскомъ одѣяніи, Теотимъ на торговыхъ площадяхъ совершалъ свои обращенія, привискалъ псофитовъ къ себѣ въ домъ и тамъ наставлялъ ихъ; часто онъ встрѣчалъ насилие, не разъ находилась въ опасности его жизнь, но онъ терпѣливо сносилъ обиды и счастливо избѣгалъ опасностей. Самые буйные изъ нихъ—гунны наконецъ смирились предъ нимъ и называли его божествомъ христіанъ. Этотъ-то простодупный человекъ вынесъ изъ Греціи, вмѣстѣ съ другими книгами, нѣкоторыя сочиненія Оригена, и въ свободное время отъ своихъ безпокойныхъ занятій усаждался ими. Каково же было его изумленіе, когда

онъ вдругъ услышалъ въ домѣ Елифанія яростныя анафемы противъ любимаго имъ Оригена! Сначала онъ молчалъ, но въ другой разъ, когда разговоръ опять принялъ такое же направленіе, епископъ малой Скіѳіи вынулъ свитокъ и громко сталъ читать одинъ отрывокъ изъ твореній Оригена, безукоризненный въ догматическомъ отношеніи, образцовый по глубинѣ мысли и пламенной вѣрѣ; потомъ, при общемъ молчаніи, прочиталъ другой отрывокъ и, наконецъ, сталъ горячо говорить слѣдующее: «я не понимаю, какъ осмѣливаются посягать на славу человѣка, написавшаго подобное, и называть его сыномъ сатаны, первымъ ересіархомъ и проклятымъ; если вы найдете что либо вредное въ его сочиненіяхъ, не принимайте его,—отбросьте зло, но возьмите же добро, а за нѣкоторыя заблужденія безпощадно казнить Оригена—противно и преступно; Оригенъ похожъ на садъ, гдѣ между цвѣтами удивительной красоты попадаются терніе и хворостъ,—но я не стану же истреблять изъ-за этого весь садъ, я выброшу терніе и буду наслаждаться цвѣтами». Такая выходка Теотима, распространившись по городу, подавала поводъ къ злымъ остроумамъ на счетъ Елифанія.

Между тѣмъ дѣла партіи противной Златоусту мало подвигались впередъ. Такъ какъ на сторонѣ кипрскаго епископа были тѣ только духовные и свѣтскіе, которые были уже предубѣждены противъ Златоуста и заранѣе увѣрены въ его виновности, а на сторонѣ послѣдняго былъ весь народъ; то было рѣшено обратиться къ народу, и такимъ образомъ напасть на своего противника въ его собственномъ лагерѣ. Въ церкви апостоловъ готовилось торжественное служеніе, въ которомъ обыкновенно могли принимать участіе своими поученіями и бесѣдами и пріѣзжіе епископы, участвовавшіе въ служеніи. Вожаки означенной партіи пришли къ мысли побудить Елифанія къ участію въ этомъ торжествѣ: преста-

рѣлый епископъ разскажетъ тамъ, въ присутствіи всего города, исторію своего путешествія, будетъ говорить о томъ, какъ Ѳеофілъ и онъ тщетно пытались письменно раскрыть Златоусту всю опасность его поведенія, какъ, побуждаемый любовью, онъ—Епифаній, не взирая на свои преклонныя лѣта, презрѣлъ опасности морскаго путешествія и лично поѣхалъ убѣдить его; далѣе слѣдовалъ бы разсказъ объ отлученіи долгихъ братьевъ, о соборахъ александрійскомъ и саламинскомъ, на которыхъ анаематствованъ былъ Оригенъ съ своими послѣдователями, и объ упорномъ отказѣ, какимъ встрѣчены были его словесныя убѣжденія; результатомъ такой бесѣды могло бы быть торжественное изложеніе Златоуста, если бы онъ не сознался въ своей виновности и не обѣщалъ исправиться. Таковъ былъ планъ нападенія на константинопольскаго архіепископа среди его пасты, въ успѣхѣ котораго были увѣрены, а для большей увѣренности стали заботиться еще о собраніи благопріятной толпы слушателей. Но толки объ этомъ разнеслись скоро по городу и дошли до Златоуста. Онъ вдругъ понялъ всю опасность этого плана и, говорятъ, съ негодованіемъ воскликнулъ объ Епифаніѣ: «только безумный или бѣсноватый можетъ отважиться на подобныя вещи», и приказалъ своему діакону Серапіону не пускать Епифанія въ церковь. Въ назначенный день, когда любопытная толпа спѣшила отовсюду, Серапіонъ сталъ у порога дверей, съ тѣмъ чтобы караулить Епифанія, который не замедлилъ скоро появиться въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, своихъ. Серапіонъ тотчасъ остановилъ его и сказалъ: «епископъ! вотъ что поручилъ мнѣ передать тебѣ мой епископъ: ты дозволялъ себѣ многое въ его церковной области противное канонамъ; ты идешь въ одну изъ его церквей и совершаешь посвященіе безъ его вѣдома, потомъ ты хочешь овладѣть другою и дѣйствовать тамъ противъ него, поступаая такъ, какъ будто ты

епископъ надъ нимъ, а онъ ничто предъ тобою; онъ желаетъ, чтобы это прекратилось, и если ты станешь упорствовать, то да падетъ на твою главу отвѣтственность за всѣ безпорядки, какіе могутъ произойти нынѣ». Епифаній не ожидалъ этого: сначала онъ не нашелъ другаго отвѣта, кромѣ ругательства противъ діавона и обвиненій на архіепископа; но скоро раздумалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ позволилъ себѣ важное нарушеніе церковныхъ правилъ, и, видя свою ошибку, быстро отправился домой. За первыми минутами размысленія послѣдоваль искренній взглядъ на все поведеніе свое въ Константинополѣ, и онъ увидѣлъ всю бездну, куда завлекли его, воспользовавшись его страстью къ богословскимъ преніямъ. Такая внутренняя борьба была не по силамъ для его возраста и сказалась общимъ ослабленіемъ здоровья,—и онъ рѣшился какъ можно скорѣе оставить Константинополь, не дожидаясь Теофила. Къ этому особенно еще побудило его случившееся въ послѣднее время посѣщеніе долгихъ братьевъ. За нѣсколько дней предъ этимъ заболѣлъ юный Θεодосій, и императрица, очень почитавшая Епифанія, послала къ нему просить его молитвъ о больномъ ребенкѣ. «Дитя будетъ жить, довольно рѣзко сказалъ Епифаній, если мать перестанетъ покровительствовать ересь и еретиковъ», разумѣя подъ этимъ словомъ долгихъ братьевъ. Эти жестокія слова смутили сердце Евдоксії, и она приказала долгимъ братьямъ пойти къ епископу испрекому и постараться примириться съ нимъ. Повелѣніе было принято, и долгиѣ братья внезапно появились предъ престарѣлымъ епископомъ. Епифаній видѣлъ ихъ въ первый разъ. «Мы—долгіе братья, стали говорить за всѣхъ Діоскоръ, и намъ хотѣлось бы узнать отъ тебя, уважаемый владыко, встрѣчался ли ты когда либо съ нашими учениками, или читалъ хоть одно изъ нашихъ сочиненій?»—«Никогда», отвѣчалъ Епифаній.—«Хорошо, продолжалъ Діоскоръ, за что же

ты осуждаешь насъ, не зная насъ? не долженъ ли бы ты до приговора самъ изслѣдовать дѣло, что бы тебѣ ни говорили о пемъ? Такъ именно мы поступили относительно тебя: мы знаемъ твоихъ учениковъ, знаемъ также твои сочиненія, особенно то, которое носитъ названіе «*якорь тры*»; и вотъ, когда мы встрѣчаемся съ людьми, которые не одобряютъ тебя и называютъ даже еретикомъ, мы защищаемъ тебя изъ твоихъ же сочиненій, хотя и не знаемъ тебя. За что же ты въ наше отсутствіе, не спрашивая и не видя насъ, не читая нашихъ сочиненій, рѣшилъ, что мы виновны»? Диоскоръ замолчалъ, и Елифаній принявъ наставленіе: онъ говорилъ съ этими честными монахами, доволенъ былъ ихъ отвѣтами и расстался съ многими изъ своихъ предубѣжденій. Такое начавшееся примиреніе съ людьми, для преслѣдованія которыхъ онъ былъ въ Константинополь, дѣлало дальнѣйшее пребываніе его здѣсь совершенно бесполезнымъ, и онъ, мучимый скорбью, а можетъ быть и угрызѣніемъ совѣсти, ускорилъ свои приготовленія къ отъѣзду. Слишкомъ поздно понявъ, что онъ былъ только орудіемъ интриги, лишившей его покоя и отчасти уваженія, онъ возненавидѣлъ Константинополь; когда онъ сѣлъ на корабль, то сказалъ провожавшему его духовенству: «оставляю вамъ вашъ городъ, ваши дворцы и зрѣлища, а самъ сильно желаю расстаться со всѣмъ этимъ». То были послѣднія его слова. По мѣрѣ того, какъ удалялся корабль, поддерживавшая его возбужденность падала предъ размышленіемъ, и оставалось одно только чувство унижительнаго пораженія. Трудности пути и душевная скорбь разрушили и безъ того слабый организмъ, и Елифаній угасть, не увидѣвъ береговъ своего Саламина. Такая внезапная смерть естественно поразила суевѣрные умы, и, когда гораздо позже видѣли его соперника—Златоуста умирающимъ въ изгнаніи, то изъ сопоставленія этихъ двухъ фактовъ образовалась народная легенда,

передаваемая современниками. Говорятъ, будто при послѣднемъ свиданіи, о которомъ исторія не говоритъ, Епифаній сказалъ Златоусту: «надѣюсь, что ты не умрешь епископомъ», на что тотъ отвѣчалъ: «а я также надѣюсь, что и ты не умрешь въ своемъ Кипрѣ».

Удаленіе Епифанія оставляло поле борьбы за Златоустомъ, — и онъ долженъ бы былъ умѣренно пользоваться своей побѣдой; но не такова была его настроенность. Притомъ, предъ нимъ еще стояли его настоящіе враги, въ рукахъ которыхъ Епифаній былъ только орудіемъ, и во главѣ ихъ Златоустъ всегда ставилъ августу и придворное духовенство. Противъ нихъ-то, напоившихъ его униженіемъ и желчью въ его городѣ и предъ его народомъ, разразилось долго сдерживаемое его негодованіе. Въ бесѣдѣ, которую мы знаемъ только по однимъ намекамъ на нее (сторописцы, по всей вѣроятности, побоялись распространять ее, и потому ся нѣтъ въ собраніи его сочиненій), Златоустъ напалъ на безпорядочное вообще поведеніе женщинъ, и особенно обличалъ тѣхъ, которыя, смѣшивая съ свѣтскими удовольствіями притязаніе управлять церковію, посягаютъ смуты въ святилищѣ и преслѣдуютъ служителей Божіихъ. Исторія прямо свидѣтельствуетъ, что въ этихъ смѣлыхъ чертахъ всѣ слушатели признали августу съ ея свитой. Императрицы не было въ церкви, но ей все передали придворные. Оскорбленіе, какъ видно, было такъ чувствительно, что Евдоксія побѣжала прямо къ императору и умоляла его отомстить за нанесенную имъ обоимъ обиду. Арнадій колебался. Призванный на совѣщаніе Северіанъ совѣтовать подождать Θεοφιλα, который долженъ былъ въ то время быть уже въ дорогѣ. Друзья Златоуста пришли въ смущеніе и радовались его враги. А между тѣмъ александрійскій патріархъ дѣйствительно уже былъ на пути въ Константинополь. Послѣ первыхъ подвиговъ Епифанія, обѣщавшихъ счастливый исходъ

борьбы, Теофилъ выступилъ самъ. Избравъ двадцать восемь, преданныхъ ему всецѣло, египетскихъ епископовъ, онъ отправилъ ихъ дожидать его въ Халкидонѣ, а самъ поѣхалъ чрезъ Палестину, Сирію и малую Азію въ то самое время, какъ Енифаній отправлялся уже въ обратный путь къ Саламину. Но александрійскому патріарху не суждено было встрѣтиться въ дорогѣ съ трупомъ своего друга.

IV. Цѣлю сухопутнаго путешествія Теофила въ Константинополь было—настроить на свой ладъ епископовъ тѣхъ областей, по которымъ онъ проѣзжалъ; не скрывая цѣли своего путешествія, онъ прямо говорилъ: «спѣшу въ столицу низложить константинопольскаго патріарха». Въ проконсульствѣ Азіи онъ вошелъ въ сношенія со всѣми церквами, гдѣ еще памятливы были дѣйствія Златоуста. Къ нему стекались отовсюду недовольные, жалующіеся—одни на непризнаніе своихъ избирательныхъ правъ, другіе на свое низложеніе, совершенное въ то время безъ правильного суда; явился и изгнанный никомидійскій епископъ Геронтій. Такимъ образомъ положеніе дѣла быстро измѣнилось. Для третьей части азійскихъ церквей Теофилъ становился возстановителемъ, вторымъ судьей, который, при помощи будущаго собора, исправитъ ошибки перваго и возстановитъ поправленные законы дисциплины. Въ Халкидонѣ встрѣтили его двадцать восемь египетскихъ епископовъ, ожидавшіе его здѣсь по условію съ нимъ. Епископъ этого города, по происхожденію египтянинъ, принялъ ихъ, какъ братьевъ, и ожидалъ александрійскаго патріарха не какъ сослуживца, а какъ своего повелителя. То былъ тотъ самый Киринъ, который сопровождалъ въ 401 году Златоуста въ его роковомъ путешествіи въ Ефесъ, ставшій вдругъ его врагомъ, изъ угожденія ли Теофилу, или по какимъ либо личнымъ неудовольствіямъ; по крайней мѣрѣ онъ оскорбительнѣе всѣхъ отзывался о Златоустѣ, называя его гордымъ, упрямымъ

и нечестивымъ. Такъ какъ приближалось уже время собора (тогда была половина іюня, а соборъ долженъ былъ открыться въ слѣдующемъ мѣсяцѣ), то въ Халкидонѣ стали прибывать епископы восточныхъ отъ него областей, или опасавшіеся долгаго морскаго плаванія, потому что въ этомъ городѣ проливъ имѣетъ самую меньшую широту; прибывали изъ Арменіи, Персіи, Месопотаміи и Фригіи. Многіе были останавливаемы Кириномъ и привлекаемы въ бывшія у Теофила собранія, гдѣ главную роль играли его египтяне. Надо полагать, что въ этихъ собраніяхъ шли очень живые споры, особенно со стороны бурнаго и раздражительнаго Кирина: при одномъ изъ такихъ споровъ персъ Маруѣ, епископъ месопотамскій, нечаянно наступилъ ему на ногу, и такъ сильно, что у Кирина сдѣлалась гангрена, и ему послѣ должны были отрѣзать ногу. Этотъ случай очень непріятенъ былъ Теофилу, не могшему теперь взять съ собой въ Константинополь халкидонскаго епископа, очень полезнаго ему по своимъ дипломатическимъ способностямъ привлекать на свою сторону нерѣшительныхъ и боязливыхъ людей.

Теофилъ наконецъ переплылъ Босфоръ, и высадился съ своими епископами въ такъ называемой халкидонской пристани; разукрашенная египетская флотилія и толпившаяся масса египетскаго населенія столицы придавали его въѣзду особенно торжественный видъ. Сопровождаемый своими епископами и толпою египтянъ, отправился онъ чрезъ городъ въ ту часть его—Перазму, гдѣ императоръ отвелъ для него одинъ изъ своихъ дворцовъ, извѣстный подъ именемъ дворца Платидіи. Часть города—Перазма, нынѣшня Пера, отдѣляется отъ самаго города заливомъ Золотого Рога—великою гаванью, наполненною во всякое время безчисленнымъ множествомъ судовъ для сообщенія; чтобы пройти отъ халкидонской пристани до Перы, Теофилу нужно было проходить мимо епа-

екопской церкви, гдѣ ожидалъ его Златоустъ, приглававшій остановиться въ своемъ архіепископскомъ дворцѣ. Теофилъ отказался отъ приглашенія, и не зашелъ даже въ церковь, какъ слѣдовало бы епископу и какъ требовалъ обычай, но торжественно продолжалъ свое шествіе и расположился съ своею свитой въ приготовленномъ для него императорскомъ дворцѣ; такъ же велъ онъ себя и въ слѣдующіе дни, отвергая всѣ приглашенія Златоуста и отказываясь даже видѣть его и бесѣдовать съ нимъ. Оскорбленный Златоустъ, сильно желавшій напротивъ личнаго объясненія, спрашивалъ себя: «не есть ли уже это объявленіе войны, брошенное ему у дверей его церкви? не начало ли это самой борьбы и великій соблазнъ для всего города?» Между тѣмъ корабль, привезшій изъ Александріи епископовъ Теофила, былъ богато нагруженъ драгоценными индійскими тканями и аравійскими ароматами, имѣвшими особенное назначеніе; эти вещи щедро раздавались пужнымъ для цѣлей александрійскаго патріарха сановникамъ, придворнымъ дамамъ и знатымъ столичнымъ матронамъ, съ прибавкой значительныхъ денежныхъ суммъ. Такимъ путемъ Теофилъ вошелъ въ большую милость у высшего константинопольскаго общества. Въ дворцѣ Плацидіи онъ держалъ себя по-царски: его дверь была открыта для всѣхъ, и своими роскошными пирами, по словамъ современника, привлекалъ онъ сюда необходимыхъ ему духовныхъ и свѣтскихъ—враговъ Златоуста. Здѣсь собиралось и хитро обдумывалось все, что только могло идти къ опредѣленной цѣли; сюда имѣли свободный доступъ и два упомянутые нами діакона, изгнанные изъ константинопольской церкви за прелюбодѣйство и убійство, которыхъ исторія называетъ самыми дѣятельными агентами затѣваемаго дѣла. Ософилъ не приминувъ сблизиться съ Евграфіей и часто бывалъ у нея. Такимъ образомъ въ Константинополѣ открылись теперь два постоянныя сходбища противъ

Златоуста: одно во дворцѣ Пладиіи было мѣстомъ собранія постороннихъ епископовъ и вело интриги, другое—у Евграфіи давало этимъ интригамъ направленіе сверху; послѣднее, гдѣ засѣдали Северіанъ габальскій съ Антиохомъ итлемандскимъ и Акавіемъ берейскимъ, было въ постоянныхъ сношеніяхъ со дворомъ, и душой своей имѣло саму императрицу, которая теперь, болѣе чѣмъ когда либо, была неумолима къ Златоусту. Но такія спокойныя совѣщанія едва было не уничтожились, вслѣдствіе пробудившагося въ душѣ Аркадія чувства чести или совѣсти. Нужно сказать, что преслѣдованіе клеветниковъ на долгихъ братьевъ, покровительствуемое самою Евдоксіей, имѣло благоприятный ходъ въ судѣ преторин; епископъ и четыре настоятеля, оклеветавшіе было ихъ въ уголовномъ преступленіи, испугавшись императрицы, признались во всемъ: они сознались, что они сами ничего не знали и во всемъ этомъ дѣлѣ поступали по приказанію александрійскаго патріарха,—послѣ чего они были признаны виновными и осуждены на смертную казнь. Все это случилось во время путешествія Оеофила и прежде чѣмъ Евдоксія приступила къ участвію въ дѣлѣ упоминаемыхъ, враждебныхъ противъ Златоуста, собраній. Извѣщенный о такомъ окончаніи дѣла императоръ, релігіозное чувство котораго сильно было возмущено подобнымъ поведеніемъ александрійскаго патріарха, былъ очень недоволенъ и хотѣлъ, по прибытіи его въ Константинополь, потребовать отъ него отчета на будущемъ соборѣ: интересы церкви, полагалъ онъ, требовали торжественнаго оправданія, или въ противномъ случаѣ—наказанія. Съ этимъ намѣреніемъ онъ призвалъ къ себѣ Златоуста, и поручалъ ему допросить Оеофила въ его же дворцѣ. Но Златоустъ отклонилъ отъ себя подобное порученіе: «я не могу, почтительно отвѣчалъ онъ, содѣйствовать осужденію епископа внѣ предѣловъ его округа, что запрещается канонами»; при этомъ онъ

показалъ императору письмо самого Теофила, по поводу того же дѣла о долгихъ братьяхъ, которымъ тотъ не признавалъ надъ собою авторитета никакого собора, кромѣ египетскаго. Оставивъ въ сторонѣ тонкое чувство совѣстливости, не позволявшей сдѣлаться судьей своего явнаго врага, можно спросить: что въ самомъ дѣлѣ было причиной такого отказа со стороны Златоуста, когда онъ же первый пришелъ къ мысли о созваніи въ Константинополѣ собора для разсужденія нитрійскихъ монаховъ съ ихъ епископомъ? Опасался ли онъ, чтобы церковное дѣло не перешло въ область мірскаго суда, или онъ вообще отступилъ предъ поступкомъ, на который смотрѣлъ, какъ на оскорбленіе достоинства епископа? Устрашало ли его смѣлое, почти торжествующее поведеніе александрійскаго патріарха, и онъ рѣшился лучше выждать его нападений, чѣмъ самому вызывать ихъ? Какъ бы то ни было, онъ отказался. Такимъ образомъ Теофилъ, благодаря честности своего противника, избавился отъ большой опасности, и скоро Аркадій забылъ объ этомъ. Тѣмъ не менѣе въ лагерѣ александрійцевъ, какъ называли кружокъ Теофила, поднялась сильная тревога, и судьба осужденныхъ клеветниковъ сильно беспокоила его: ходатайствомъ придворныхъ, а можетъ быть и самой августы, успѣли впрочемъ добиться смятченія наказанія на изгнаніе, и на время водворилось спокойствіе.

Между тѣмъ, подъ влияніемъ разнородныхъ слуховъ, сталъ волноваться константинопольскій народъ. Толпы просто-народа и даже рабочіе окрестностей города собирались и толпились возлѣ жилища Златоуста, будто опасаясь какого либо покушенія противъ своего епископа; днемъ онѣ наполняли церкви, а вечеромъ съ одушевленіемъ проходили улицы и площади, возобновивъ совершеніе *митаній*, что обыкновенно означало важное общественное безпокойство и чему нисколько не препятствовалъ Златоустъ, хотя самъ лично не участвовалъ

въ нихъ. Устрашенный такими движеніями народа, Теофилъ выхлопоталъ для себя у двора защиту подъ видомъ почетнаго караула. Признавая однако такую предосторожность недостаточною, въ кружкѣ Евграфія занялись вопросомъ, — не предстоитъ ли опасность для соборныхъ разсужденій, въ виду преданной Златоусту массы, и не благоразуміе ли будетъ назначить соборъ внѣ Константинополя, такъ какъ напр. епископъ габальскій по собственному опыту извѣдалъ, каковъ народъ столицы въ виду грозящей Златоусту опасности. Кромѣ того боялся, чтобы такое настроеніе столицы не сообщилось и постороннимъ епископамъ, не обнаруживавшимъ большой готовности содѣйствовать всѣмъ этимъ интригамъ. Всѣ согласились просить императора о созваніи собора въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, а нѣкоторые предложили для этого Халкидонъ. На такой выборъ особенно настаивалъ Теофилъ, потому что епископъ этого города — Кирикъ могъ бы оказать ему здѣсь сильное содѣйствіе; притомъ здѣсь удерживалась бы и тѣнь законности, такъ какъ этотъ городъ былъ собственно предмѣстьемъ Константинополя по другую сторону пролива, и потому соборъ въ Халкидонѣ могъ бы быть называемъ и соборомъ въ Константинополѣ, какъ дѣйствительно и называла его иногда впослѣдствіи исторія. Затѣмъ стали толковать о третьемъ, довольно важномъ вопросѣ, — захочетъ ли Златоустъ явиться предъ соборомъ внѣ своей церкви, такъ какъ Халкидонъ, хотя и можно было его назвать предмѣстьемъ столицы, былъ совершенно отдѣленъ отъ нея въ церковномъ отношеніи и имѣлъ своего отдѣльнаго епископа. Согласится ли Златоустъ быть судимымъ внѣ своего церковнаго округа, — можно было сомнѣваться въ томъ. «Ничего! вскричалъ Северіанъ, если онъ не согласится самъ, мы его заставимъ; мы попросимъ императора своею властію представить виновнаго на судъ собора». Такая выходка рѣшила затрудненія и вы-

звала всеобщее одобрение. Затѣмъ эти три предположенія были представлены императору, который и утвердилъ ихъ.

Въ окрестности Халкидона былъ извѣстный всему востоку своимъ великолѣпнымъ дворецъ,—лѣтняя резиденція знаменитаго преторіанскаго префекта Руфина,—выстроенный имъ на счетъ награбленныхъ денегъ и называвшійся Руфиніана, т. е. виллой Руфина: золото, рѣдкій мраморъ и драгоценное дерево Азіи, въ изобиліи встрѣчаемыя въ отдѣлкѣ и украшеніяхъ, дѣлали изъ этого дворца чудо искусства V вѣка. Перешедши по смерти Руфина въ императорскій фискъ, этотъ великолѣпный, всегда упоминаемый въ разсказахъ, дворецъ переходилъ изъ рукъ въ руки до времени Юстиніана, когда имъ владѣлъ Велизарій; этотъ-то дворецъ назначилъ Аркадій мѣстомъ для собора. Къ дворику примыкала обширная церковь (апостолеумъ) въ честь св. апостоловъ Петра и Павла, гдѣ въ 394 г. былъ крещенъ самъ Руфинъ вторымъ изъ долгихъ братьевъ—Аммоніемъ, вызваннымъ для этого изъ Египта, при большомъ собраніи епископовъ. Странное совпаденіе обстоятельствъ: здѣсь же пришлось тому же самому Аммонію стоять потомъ, какъ подсудимому! Обширный монастырь, связанный галереями съ апостолеумомъ, заключалъ въ себѣ обширныя кельи, которыя и могли быть отведены для помѣщенія прибывшихъ на соборъ епископовъ. Сюда-то, въ половинѣ іюля 403 года, прибылъ Теофилъ съ своими приближенными, черезъ три недѣли послѣ своего приѣзда въ Константинополь. Въ столицѣ, въ это время, собралось изъ областей восточной имперіи восемьдесятъ пять епископовъ: изъ нихъ только тридцать пять (и только гораздо позже сорокъ четыре) отправились съ Теофиломъ въ Халкидонъ, и всѣ египетскіе епископы входили въ это число; всѣ же остальные остались въ Константинополѣ изъ расположенности къ Златоусту, хотя и между ними были первшительные и непадежные люди. Этихъ-то

оставшихся из столицъ называли позже *іоанновскою партіей*, для противоположности партіи Теофила, которую называли *александрійскою партіей*. Въ то время, какъ александрійцы торжественно устраивали въ апостолеумѣ соборъ, іоанниты собирались у Златоуста, бесѣдовали тамъ и съ грустію прислушивались къ тому, что готовилось по другую сторону пролива; иногда Златоустъ оставлялъ на время свой дворецъ, приходилъ въ церковь, всегда полную народа, всходилъ на амвонъ, произносилъ приличныя обстоятельствамъ проповѣди, и потомъ опять возвращался къ себѣ для бесѣдъ съ епископами.

На готовившемся соборѣ должны были обсуждаться три главные вещи: 1) жалоба нитрійскихъ монаховъ,—начало всего возникшаго дѣла, 2) жалоба азійцевъ по поводу совершенныхъ Златоустомъ въ 401 г. низложеній и посвященій въ ихъ областяхъ и 3) обвиненіе Златоуста въ отступленіяхъ отъ церковнаго и политическаго порядковъ. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ было рѣшено заняться сначала послѣднимъ пунктомъ, какъ самымъ насгоятельнымъ, потомъ первымъ, и въ концѣ уже перейти ко второму. Установивъ такой порядокъ своихъ разсужденій, собраніе начало свои засѣданія.

V. Соборы, имѣвшіе своей задачей разборъ совершенныхъ проступковъ, слѣдовали обыкновенно въ своей процедурѣ правиламъ свѣтскаго правосудія. Обвинитель долженъ былъ явиться самъ, письменно засвидѣтельствовать свои показанія и подписаться въ актахъ собора, подвергался закону возмездія въ томъ случаѣ, если бы онъ не доказалъ своихъ обвиненій; въ случаѣ же доказанности виновный осуждался по всей строгости каноновъ. Послѣ обвинительнаго акта, виновнаго три или четыре раза вызывали для защищенія себя: упорный отказъ въ явкѣ считался преступленіемъ, заслуживающимъ самыхъ строгихъ наказаній—низложеніе и отлу-

ченіе; если же обвиняемый являлся, то происходилъ допросъ, разборъ свидѣтельствъ и показаній противъ него, послѣ чего уже епископы приступали къ обсужденію и осужденію. Крохѣ изложенія и отлученія, послѣднихъ наказаній въ области соборнаго права, иногда прибѣгали къ заточенію и ссылкѣ, какъ напр. въ процессѣ долгихъ братьевъ,—но тогда для приведенія въ исполненіе церковныхъ приговоровъ, по каноническимъ правиламъ, нужно было обращаться къ свѣтской власти; въ томъ же случаѣ, когда бы соборъ открылъ уголовныя преступленія, влекущія за собой смертное наказаніе, все дѣло передавалось свѣтскимъ судамъ, такъ какъ церковь чуждалась крови. Такой именно юридическій порядокъ сталъ развиваться, какъ мы увидимъ, въ процедурѣ суда надъ Златоустомъ.

Соборныя засѣданія открылись подъ предѣтельствомъ александрійскаго патріарха, занимавшаго вторую кафедру въ восточной имперіи; обвиняемымъ былъ патріархъ первой кафедры; хотя предѣтельство послѣ и перешло къ Павлу гераклейскому, ставшему изъ друга смертельнымъ врагомъ Златоуста, но управлялъ собственно всѣмъ дѣломъ Теофилъ, доказавшій при этомъ справедливость составившагося мнѣнія о немъ, какъ о ловкомъ и коварномъ человѣкѣ. Первымъ его дѣломъ было вытребовать къ собору Іоанна—архидіакона константинопольской церкви. Въ первые вѣка христіанства архидіаконъ былъ главнымъ сотрудникомъ епископа во всѣхъ внѣшнихъ отправленіяхъ, особенно административныхъ: онъ заботился объ украшеніи церкви и завѣдывалъ доходами ея и приношеніями, если не было для того отдѣльныхъ экономовъ, какъ это было при Златоустѣ; онъ раздавалъ жалованье клирикамъ и заботился также о внутреннемъ порядкѣ и благонравіи; словомъ, онъ былъ «рука и око епископа». Между тѣмъ архидіаконъ Іоаннъ былъ человѣкъ грубый и

ненавистный, изгнанный было Златоустомъ за безчеловѣчное обращеніе съ служившимъ ему мальчикомъ и потомъ опять снисходительно принятый, но затаившій уже въ себѣ непримиримую злобу на строгаго епископа. Теофилъ зналъ все это, и потому-то устроилъ дѣло такъ, чтобы онъ явился обвинителемъ Златоуста. Обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ, было важное: архидіаконъ, главное довѣренное лицо епископа, является его обвинителемъ. Руководясь показаніями этого человека, онъ далѣе вытребовалъ къ собору, въ качествѣ обвинителей или свидѣтелей, большую часть пресвитеровъ и діаконѳовъ константинопольскихъ церквей, такъ что храмы оставались пусты, а во многихъ прекратилось священнослуженіе. Обвиненіе, составленное архидіакономъ Іоанномъ, какъ мы можемъ и теперь читать его въ актахъ собора, сохранныхъ для потомства преемникомъ Златоуста—трудолюбивѣйшимъ и ученѣйшимъ патріархомъ Фотіемъ, заключало въ себѣ двадцать девять обвинительныхъ параграфовъ, которые могутъ быть сведены къ слѣдующимъ преступленіямъ: 1) дѣла насилія и угрозы противъ разныхъ лицъ, 2) важныя оскорбленія, 3) похищенія, 4) захватъ церковныхъ мѣстъ, 5) преступленія противъ нравственности, 6) преступленія противъ церковной дисциплины и обычаевъ, 7) государственное возмущеніе и измѣна. Въ этомъ хаосѣ невѣроятныхъ обвиненій многія были очевидной клеветой, почерпнутой изъ тѣхъ сплетенъ, которыми злоба враждебной партіи уже два года опутывала Златоуста; но свидѣтельство архидіакона неожиданно придавало имъ видъ вѣроятности. Обвиненія въ насиліи были изложены въ 1, 2 и 27 параграфахъ: въ нихъ говорилось, что Златоустъ, изгнавшій и отлучившій архидіакона Іоанна за жестокость къ ребенку-прислужнику, самъ приказывалъ бить, тащить въ темницу и заковать въ оковы, какъ бѣсноватаго, одного монаха, по имени Іоанна (не сказано за что именно),—

далѣе, что въ церкви апостоловъ онъ самъ поразилъ въ лицо нѣкотораго Мемнона до крови, и это не мѣшало ему совершать служеніе; потомъ сюда было прибавлено и многое другое. Обвиненія въ оскорбленіяхъ были многочисленны и излагались въ 5, 6, 8, 9 и 20 пунктахъ. Здѣсь говорилось о томъ, какъ Златоустъ оскорблялъ цѣлое сословіе клириковъ, называя ихъ людьми развращенными, готовыми на все, «людьми трехъ оболловъ», по греческому выраженію, и составилъ даже цѣлую книгу противъ нихъ, полную клеветы (разумѣлся знаменитый его трактатъ о сестрахъ); какъ онъ оскорбилъ почтеннаго Епифанія, называя его глупымъ и бѣсноватымъ, и до того презиралъ Акакія берейскаго, что не хотѣлъ даже говорить съ нимъ; какъ онъ предъ всѣмъ духовенствомъ обвинилъ въ воровствѣ своихъ діаконовъ Едафія, Іоанца и Акакія, утверждая, будто они украли его палліумъ для своихъ извѣстныхъ цѣлей. Последнее обвиненіе требуетъ нѣкотораго объясненія. Палліумомъ называлась неширокая повязка изъ бѣлой шерсти съ вислыми концами, на которыхъ были двѣ свищовыя пластинки, обвернутыя чернымъ шолкомъ съ четырьмя красными крестами, и составляла отличное украшеніе высшихъ епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, служа признакомъ первенства. Палліумъ надѣвался на плечи, такъ что обвивая ихъ ниспадалъ спереди и сзади, и прикрѣплялся съ обѣихъ сторонъ тремя золотыми булавками; надѣвали и снимали его при служеніи епископа особые его діаконы, полагая его въ промежуткахъ на священныя статуи,—обыкновенно патрона церкви, напр. въ Римѣ на плеча статуи св. Петра. Діаконы Едафій, Іоаннъ и Акакій, похитивъ палліумъ Златоуста, сдѣлали это, какъ кажется, для нѣкоторыхъ волшебныхъ заклинаній надъ нимъ, что было уже не только воровствомъ, но и святотатствомъ. Обвиненія въ возмущеніи и измѣнѣ записаны 7, 21, 22 и 26 пункты: въ нихъ значи-

лось, что Златоустъ возмущалъ противъ Северіана габальскаго классъ людей, занимавшійся погребеніемъ бѣдныхъ, чѣмъ подвергалъ его жизнь опасности, выдавалъ свѣтской власти двухъ пресвитеровъ—одного въ Антиохіи, а другаго въ Константинополѣ, и наконецъ при возстаніи народномъ на графа Іоанна, фаворита императрицы, указалъ воинамъ его убѣдѣнныя. Въ восьми пунктахъ подробно излагались противныя канонамъ дѣйствія Златоуста въ азійскихъ церквахъ: что онъ былъ разомъ обвинителемъ, свидѣтелемъ и судьей въ дѣлахъ архидіакона Мартирія и епископа ликійскаго Проерезія, поставлялъ не въ церкви діаконъ и пресвитеръ и разомъ посвящалъ четырехъ епископовъ; что производилъ посвященія свои тамъ, не справляясь о способности и нравственности избираемыхъ имъ лицъ, и раздавалъ имъ деньги, чтобы они помогали ему въ его преслѣдованіяхъ; что онъ сдѣлалъ пресвитеромъ своего діакона Серапіона, извѣстнаго своими преступленіями, и епископомъ—нѣкоего Антонія, отчаяннаго осквернителя гробницъ; наконецъ, что онъ отказывалъ въ погребеніи людямъ, содержимымъ имъ въ темницѣ и умершимъ тамъ, чѣмъ дѣлался намекъ на смерть Исидора и исторію долгихъ братьевъ. Мы еще прежде упоминали объ обвиненіяхъ въ корыстолюбіи и похищеніи священныя вещей, которыя были вводимы на Златоуста его врагами; въ обвинительномъ актѣ всѣ они были собраны, развиты и требовали допросить обвиняемаго, куда онъ тратилъ церковныя доходы. Обвиненія въ преступленияхъ противъ нравственности были сформулированы въ 15 и 25 пунктахъ такъ: «онъ принимаетъ женщинъ и остается съ ними наединѣ, удаляя отъ себя постороннихъ при этомъ; онъ обѣдаетъ одинъ, по своимъ уединеннымъ столомъ ведетъ себя, какъ гнусный и чувственный циклопъ». Мы имѣли уже случай говорить объ этихъ нелѣпыхъ клеветахъ, укорявшихъ Златоуста въ невоз-

держномъ образѣ жизни. Что касается до обвиненія его въ тайныхъ сношеніяхъ съ женщинами, то оно было самымъ обиднымъ и всегда возмущало Златоуста; изъ своего изгнанія онъ писалъ своему другу, епископу Киріаку: «они осмѣлились обвинить мня въ любодѣяніи... несчастные! мнѣ для оправданія стоило только показать предъ всѣми изнуренный скелетъ мой, такъ какъ смерть поразила меня еще при жизни, и владимое мною тѣло—однаго только трупъ». Наконецъ слѣдовали обвиненія Златоуста въ нарушеніи церковныхъ обычаевъ, или въ своеобразныхъ странностяхъ домашней его жизни: «онъ одѣвался и раздѣвался на своемъ епископскомъ сѣдалищѣ и вкушалъ какія-то лепешки послѣ причащенія; онъ не молился при входѣ и выходѣ изъ церкви; въ общественной банѣ онъ всегда мылся одинъ и приказывалъ запереть двери, чтобы никто не входилъ туда въ это время, что обыкновенно исполнялъ Серапіонъ». Таково-то было содержаніе обвинительнаго акта, добавленнаго впоследствии еще многими другими; здѣсь было, дѣйствительно, много очень важнаго для осужденія епископа! Теперь, по правиламъ процедуры, требовалось предъявить этотъ актъ самому обвиняемому, слушать его отвѣты, сопоставлять свидѣтелей и т. п.,—и Теофилъ отправилъ къ Златоусту двухъ членовъ собора съ требованіемъ явиться предъ собраніе.

Между тѣмъ, во время путешествія соборной депутаціи, въ домѣ Златоуста, вокругъ котораго собрались приверженные къ нему епископы, происходила трогательная сцена. Они бесѣдовали между собой о безчестномъ поведеніи Теофила, незаконности самаго собора, о грустномъ настоящемъ и еще болѣе печальномъ будущемъ: «какъ случилось, спрашивали они другъ друга объ alexandрійскомъ патріархѣ, что этотъ человекъ, обвиненный самъ въ ужасныхъ злодѣяніяхъ и вытребованный къ суду преторія, дерзнулъ увлечь съ собою такую

массу епископовъ? какъ совершилась такая внезапная пере-
мѣна въ отношеніи къ нему правительства и чиновниковъ,
позволившихъ ему стать изъ обвиняемаго судьей и привлечь
къ своимъ замысламъ большую часть клира»? Каждый пред-
лагалъ свои объясненія, какъ вдругъ Златоустъ, будто по
вдохновенію свыше, сказалъ имъ: «молитесь, мои братья о
Христѣ, чтобы никто изъ васъ не оставилъ изъ-за меня свою
церковь; потому что я могу сказать вамъ съ апостолами:
время моего закланія приблизилось, я совершилъ свой путь.
Я знаю сатану и его ковы; ему невыносима моя борьба съ
нимъ путемъ ученія. Да будетъ надо мною милосердіе Божіе,
а вы, братья, воспоминайте обо мнѣ въ своихъ молитвахъ!»
Тоскливо отозвалась во всѣхъ эта внезапная рѣчь: одни
неподвижно рыдали, другіе, задыхаясь отъ слезъ, покрывали
Златоуста лобзаніями и думали уходить; въ такомъ волненіи,
при шумѣ общихъ рыданій и стоновъ, говоритъ участникъ
этой сцены, Палладій елпинопольскій, мы похожи были на
встревоженныхъ пчелъ, жужжащихъ около своего улья. Злато-
устъ остановилъ думавшихъ уйти и сказалъ: «останьтесь еще,
мои братья, и перестаньте плакать, изъ опасенія болѣе огор-
чать меня, ибо я всегда буду говорить вамъ, что Христосъ
моя жизнь, а смерть—пріобрѣтеніе». Нужно замѣтить, что
въ городѣ распустили слухъ, будто гибель Златоуста неиз-
бѣжна, и ему отрубятъ голову за мятежъ и оскорбленіе импе-
ратрицы. «Я неоднократно повторялъ вамъ, грустно продол-
жалъ онъ, что настоящая жизнь наша—одно только переход-
ное состояніе, гдѣ скорби и радости смѣняются другъ друга
съ одинаковой быстротой, и что этотъ міръ есть не что иное,
какъ великій рынокъ, на которомъ мы продаемъ, покупаемъ
и скоро уходимъ. Развѣ мы лучше патріарховъ, пророковъ и
апостоловъ, чтобы наша краткая жизнь продолжалась вѣчно»?
Одинъ изъ рыдавшихъ епископовъ замѣтилъ на это: «мы пла-

чемъ о томъ, что мы останемся спротами, церковь будетъ вдовицей, ниспровергнутся ея святыя законы, честолюбіе и нечестіе восторжествуютъ, бѣдные останутся безъ призрѣнія, а народъ—безъ проповѣди»... Тутъ прервалъ его Златоустъ, ударяя указательнымъ пальцемъ своей правой руки ладонь лѣвой, что онъ дѣлалъ обыкновенно во время глубокаго размышленія: «довольно, мой братъ, не настаивай; но, я опять повторяю вамъ, не оставляйте своихъ церквей; не мной началась проповѣдь, не мной и окончится. Когда умеръ Моисей, развѣ не нашелся Навинъ? Елисей не пророчествовалъ ли послѣ Иліи? Что успѣли сдѣлать, отрубивъ голову Павлу? онъ оставилъ послѣ себя Тимофея, Тита и многихъ другихъ». Елизій, епископъ апамейскій, замѣтилъ при этомъ, что въ такомъ случаѣ имъ придется, для удержанія своихъ мѣстъ, соединиться съ соборомъ и подписать его опредѣленія. «Присоединяйтесь, быстро сказалъ Златоустъ, чтобы не было раздѣленія, но не подписывайтесь, такъ какъ, по совѣсти моей, я не заслуживаю низложенія!» Такъ бесѣдовали они, когда доложили о прибытіи посланныхъ отъ собора. Златоустъ принялъ ихъ и сначала спросилъ, кто они; «мы—епископы» отвѣтили они: то были два недавно посвященные ливійскіе епископы—Діоскоръ и Павелъ. Златоустъ просилъ ихъ объявить причину своего посѣщенія: «мы имѣемъ посланіе къ тебѣ, сказали они, позволь прочитать его». Получивъ на то согласіе, они дали читать его сопровождавшему ихъ юному служителю Теофила. Письмо заключало въ себѣ слѣдующее: «св. соборъ Іоанну» (здѣсь намѣренно опущенъ былъ титулъ епископа). Намъ поданъ противъ тебя обвинительный актъ, обличающій тебя въ безчисленныхъ преступленіяхъ, а потому мы требуемъ, чтобы ты явился къ намъ, взявъ съ собою пресвитеровъ Серапіона и Тигрія, которыхъ присутствіе также необходимо». Посланные словесно добавили, что соборъ требуетъ

также и чтеца Павла. Чтеніе такого наглаго письма, въ которомъ Златоусту отказывали въ его званіи, какъ будто онъ былъ уже осужденъ и низложенъ, вызвало сильное негодованіе со стороны присутствовавшихъ епископовъ: «необходимо отвѣчать, говорили они со всѣхъ сторонъ, и отвѣчать одному Θεофілу, виновнику этой обиды и заправителю всего совершающагося тамъ». Послѣ утвердительнаго знака Златоуста, они принялись за дѣло и составили отвѣтъ, который и прочитали ему. «Перестань, писали они александрійскому патріарху, пспровергать церковный порядокъ и смущать церковь, для которой Христосъ вочеловѣчился. Если ты, вопреки священнымъ никейскимъ правиламъ, хочешь уже быть судьей внѣ своего округа, то приходи сюда—въ городъ, гдѣ благоустроенный порядокъ, а не вызывай Авсма въ поле, по примѣру Каина. Право суда собственно принадлежитъ намъ, и мы должны судить тебя перваго, потому что имѣемъ семьдесятъ обвинительныхъ противъ тебя показаній. При томъ, наше собраніе многочисленнѣе твоего: насъ только тридцать шесть, и почти изъ одной области, а насъ—сорокъ изъ разныхъ областей, и среди насъ—семь митрополитовъ. Итакъ, ты видишь, что и по канонамъ необходимо, чтобы о меньшемъ числѣ разсуждало большее, особенно когда это большее число и почетнѣе, и достойнѣе. У насъ даже есть твое письмо къ нашему брату Іоанну, въ которомъ ты писалъ, что не должно никому судить епископа внѣ сго церковной области. Чтобы быть послѣдовательнымъ въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ, тебѣ слѣдуетъ внять нашему приглашенію». Вслушавъ такое посланіе епископовъ, Златоустъ сказалъ имъ: «хорошо, пишете что знаете, а мнѣ также необходимо отвѣтить на то, что объявлено мнѣ». Затѣмъ онъ начертилъ слѣдующее посланіе но не къ Θεофілу, за которымъ не признавалъ никакого права вызывать себя, а къ собору отдѣлившихся епископовъ.

«До сихъ поръ я еще не знаю никого, кто могъ бы, на какомъ либо законномъ основаніи, жаловаться и обличать меня. Впрочемъ, если вы желаете, чтобы я явился предъ ваше собраніе, то прежде всего удалите оттуда моихъ явныхъ враговъ, не скрывающихъ своей ненависти и замысловъ противъ меня. Сдѣлайте это, и я не стану даже спорить о мѣстѣ суда надо мной, хотя бы, по всѣмъ правиламъ, этотъ судъ долженъ происходить въ Константинополѣ. Самымъ подозрительнымъ изъ васъ представляется мнѣ Теофілъ, говорившій въ Александріи и Ликии еще, что онъ идетъ ко двору низложить Іоанна, и потомъ не хотѣвшій даже видѣться и говорить со мною; за нимъ враждебны ко мнѣ Акакій берефскій, Антиохъ птолемаидскій и Северіанъ габальскій... А потому отдѣлите этихъ четырехъ епископовъ отъ числа моихъ судей, или, если вы непременно желаете ихъ присутствія, допустите ихъ только въ качествѣ обвинителей моихъ, для того чтобы ихъ положеніе опредѣлилось съ точностію и я могъ знать, съ кѣмъ имѣю дѣло. При такихъ условіяхъ я готовъ предстать не только предъ вами, но и предъ соборомъ всей вселенной; но безъ нихъ, сколько бы вы ни посылали за мной, всегда получите одинъ и тотъ же отвѣтъ». Три епископа—Лупицинъ, Дмитрій и Елизій съ пресвитерами Гермаломъ и Северомъ должны были отправиться съ этими двумя посланіями къ собору, посланные котораго были тогда же отпущены. Но не успѣли еще они выйти, какъ появился императорскій нотаріусъ съ рескриптомъ, гдѣ говорилось о прошеніи собора приудить Іоанна къ явкѣ на судъ, и настоятельно требовалъ отъ Златоуста повинновенія, оставивъ его только послѣ объясненія причинъ отказа. Едва оставилъ онъ епископскій дворецъ, вошли два пресвитера константинопольской церкви—Евгеній, получившій за свои услуги санъ епископа, и монахъ Исаакъ—тотъ странствующій шутъ, который

за нѣсколько оболовъ злословилъ своего патріарха на площадяхъ; это были новые уполномоченные отъ собора съ новымъ требованіемъ: такъ сильно хотѣли тамъ привлечь и имѣть въ своей власти Златоуста. Одинъ изъ этихъ уполномоченныхъ съ грубостію сказалъ ему: «что же ты медлишь? тебя ожидаетъ соборъ и приказываетъ тебѣ явиться и оправдаться, если можешь, отъ вводимыхъ на тебя обвиненій». Златоустъ ничего не отвѣчалъ на эти слова; но, избравши тотчасъ же трехъ епископовъ, отправилъ ихъ къ собору съ такимъ словеснымъ отвѣтомъ: «странно поступаете вы со мною: съ одной стороны отказываете моей просьбѣ удалить изъ своей среды моихъ враговъ, а съ другой зовете меня къ суду чрезъ моихъ же клириковъ».

Уже первое посольство Златоуста привело соборъ въ волненіе; но, когда прибыло второе и буквально повторило порученный ему отвѣтъ, присутствовавшіе пришли въ совершенную ярость. На посланныхъ посыпались угрозы и оскорбленія: одного избили, на другомъ изорвали одежду, а третьяго заковали въ оковы, приготовленные для Златоуста, еслибы онъ имѣлъ неосторожность явиться сюда. Послѣ такой цепи соборъ долго не могъ успокоиться, и наконецъ изъ непріязннаго къ Златоусту сталъ ожесточеннымъ врагомъ его. Два раза еще посылалъ онъ къ нему съ новыми требованіями, но встрѣчалъ тотъ же отказъ; а между тѣмъ императоръ, не смотря на новыя къ нему жалобы собора, не посылалъ къ Златоусту вторичнаго приказанія, такъ что можно было предполагать колебаніе и подозрѣнія въ самомъ Аркадіѣ. Чтобы побудить нерѣшительный и боязливый умъ Аркадія къ смѣлому шагу, Оеофилъ придумалъ—къ обвинительному акту противъ Златоуста прибавить новыя обвиненія и расположить ихъ такъ, чтобы всѣ они сразу бросались въ глаза при чтеніи; за этимъ онъ обратился къ монаху Исааку, сдѣланному

за свое посольство епископомъ, и къ нѣкоторымъ другимъ изъ столичнаго же клира. Въ обвинительномъ актѣ архидіакона Іоанна только вскользь упоминалось объ оскорбленіи величества, а здѣсь эти факты были выдвинуты впередъ, и Златоуста формально обвиняли въ томъ, что въ своихъ проповѣдяхъ онъ оскорблялъ императрицу, называя ее Иродіадой и Іезавелью. Въ своей жалобѣ Исаакъ искусно приписывалъ къ прежнимъ обвиненіямъ новыя съ язвительными преувеличеніями и (кто бы могъ подумать?) пускался даже въ критическій разборъ произведеній великаго проповѣдника. Все это вмѣстѣ съ прежнимъ, дѣйствительно, представляло страшную массу обвиненій. Но Златоустъ не являлся, императоръ ничего не дѣлалъ для принужденія его къ тому,—и Теофилъ приступилъ къ выслушиванію свидѣтелей. Послѣ семи показаній, дышавшихъ крайнимъ озлобленіемъ, всѣ стали требовать скорѣйшаго окончанія дѣла: «виновность Іоанна, говорили нѣкоторые, достаточно доказана; не зачѣмъ продолжать далѣе». На двѣнадцатомъ засѣданіи соборъ рѣшилъ приступить къ самому суду. До этого времени предсѣдательствовалъ Теофилъ, заправлявшій всѣми разсужденіями, но теперь, когда было приступлено къ самому суду, Теофилъ опасался, чтобы такой порядокъ не послужилъ поводомъ къ нападенію и даже отиженію соборнаго постановленія при нерѣшительности Аркадія, и потому уступилъ свое предсѣдательство Павлу гераклейскому, предоставивъ впрочемъ право себѣ, а также Антиоху, Аканію и Северіану, подавать голоса. Собрали голоса всѣхъ присутствовавшихъ епископовъ, число коихъ возрасло до сорока пяти, за прибытіемъ нѣкоторыхъ новыхъ и присоединеніемъ иныхъ изъ столицы,—и Златоустъ былъ присужденъ къ низложенію, а обвиненія его въ оскорбленіи величества представлены на благоусмотрѣніе императора. Затѣмъ соборъ непосредственно увѣдомилъ о такомъ низложеніи кон-

стантинопольское духовенство, для освобожденія его отъ подчиненныхъ отношеній къ Златоусту, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ править отчетъ о соборныхъ постановленіяхъ императорамъ Аркадію и Гонорію, единодушнымъ повелителямъ римскаго міра. Изгнанный никомидійскій епископъ Геронтій и два другіе подобные ему воспользовались этимъ случаемъ, и приложили къ отчету рассказъ о своихъ несчастіяхъ и жалобу на незаконные поступки съ ними Златоуста. Отчетъ представленный Аркадію начинался такъ: «принимая во вниманіе, что Іоаннъ, обвиненный въ извѣстныхъ преступленіяхъ и убѣжденный въ своей виновности, отказался явиться къ намъ для оправданія себя и что въ подобныхъ случаяхъ каноническіе законы опредѣляютъ низложеніе, — мы низложили его. Но такъ какъ обвинительный противъ него актъ содержать, кромѣ церковныхъ преступленій, обвиненіе его въ оскорбленіи величества; то вашему благочестію надлежитъ опредѣлить изгнаніе виновнаго, дабы столь великое преступленіе не оставалось безнаказаннымъ».

Первый вопросъ соборныхъ разсужденій прошелъ такимъ образомъ по желанію Теофила, предстоятъ теперь другой — о долгихъ братьяхъ; но имъ не слишкомъ жемали заниматься епископы, а тѣмъ болѣе Теофилъ. Впереди предстояли опасности, и слава побѣдителя Златоуста могла умалиться въ борьбѣ противъ простыхъ монаховъ. Притомъ предстояла довольно затруднительная процедура: обвиненный ими, послѣ того какъ онъ самъ осудилъ ихъ въ Египтѣ, какъ станетъ онъ опять разбирать тоже самое дѣло въ Халкидонѣ, и предсѣдательствовать на соборѣ въ то время, какъ будутъ судить о немъ же? Если же отказаться самому отъ этого дѣла и дать обвинителямъ полную свободу, то кто знаетъ, что можетъ еще выйти на соборѣ или выѣ его отъ откровенныхъ и рѣзкихъ разсказовъ долгихъ братьевъ о совершенныхъ надъ ними

насилияхъ? Что еще можетъ случиться, если собраніе епископовъ—іоаннитовъ, оставшихся въ Константинополѣ, успѣетъ перенести дѣло въ другое мѣсто, чѣмъ они и угрожали въ письмѣхъ, и если императоръ, склонявшійся на сторону нитрійскихъ монаховъ, еще болѣе станетъ подозрительнымъ ко всему? Радость торжествующаго Теофила была сильно помрачена,—и, дѣйствительно, было отъ чего. Процессъ долгихъ братьевъ неизбежно поднималъ бы догматическій вопросъ оригинализма, къ которому не всѣ были подготовлены, какъ показалъ примѣръ Епифанія, а Теофилъ, старательно обходившій этотъ вопросъ при судѣ надъ Златоустомъ, не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ болѣе. По всѣмъ этимъ причинамъ въ его душѣ родилось сильное желаніе остановить все дѣло; но монахи были люди упорные и неговорчивые, они были увѣрены въ своей правотѣ и притомъ раздражены вынесенными страданіями. Трудно было ожидать, чтобы они согласились молчать съ своей стороны. Однако Теофилъ отправилъ къ нимъ двухъ преданныхъ себѣ епископовъ для мирныхъ переговоровъ. По счастливому для него случаю, посланные напали бѣдныхъ монаховъ въ глубокомъ уныніи. Съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ ихъ покровительствомъ Златоустъ,—они отчаялись найти правосудіе и состраданіе. Притомъ многіе изъ нихъ уже умерли: за смертію Исидора послѣдовала еще большая потеря епископа Діоскора—старѣйшаго изъ долгихъ братьевъ, бывшего ихъ опорой и руководителемъ,—въ послѣднее время тяжело заболѣлъ Аммоній, такъ что опасались его скорой смерти; такіа печальныя обстоятельства сломили энергію долгихъ братьевъ, которымъ повиновались остальные монахи. «Да, говорить по этому поводу современникъ, еслибы живъ былъ Діоскоръ, еслибы умиравшій Аммоній могъ давать со-вѣты,—никогда бы эти честные люди не стали слушать лукавыхъ предложеній». Предложенія, принесенныя имъ по-

славными Θεοφιλα, состояли въ слѣдующемъ. «Патріархъ, помышляющій теперь объ одномъ только прощеніи, предлагаетъ имъ миръ. Онъ не требуетъ отъ нихъ для этого никакого формальнаго отреченія, не станетъ ни опровергать ихъ ученій, ни разсуждать о прошломъ; онъ готовъ забыть все, требуя отъ нихъ, какъ отдѣлившись, только покорности. Пусть только они явятся на соборъ и, по опредѣленной формулѣ монастырскихъ постановленій, объявятъ, что если они согрѣшили въ чемъ, то теперь раскаиваются; соборъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій допустить ихъ снова къ общенію, постановленіе александрійскаго собора объ осужденіи ихъ будетъ отмѣнено, а патріархъ сниметъ свое отлученіе. Послѣ этого они могутъ возвратиться въ Египетъ и вступить снова въ свои монастыри». Долгіе братья не имѣли мужества отвергнуть эти предложенія, и со всѣми своими спутниками послѣдовали за послами въ Халкидонъ, унося даже съ собой Аммонія, вскорѣ умершаго тамъ. Едва они прибыли туда, какъ были представлены собору, на которомъ все и произошло такъ, какъ было условлено. Долгіе братья произнесли известную формулу: «если мы погрѣшили, то каемся въ томъ и просимъ прощенія»; Θεοφιλъ, поднявшись съ своего мѣста, произнесъ формулу прощенія, а соборъ новымъ декретомъ отмѣнилъ прежнее постановленіе о нихъ. Прощеніе Θεοφιλα распространилось съ этой поры, какъ оказалось, даже на оригенистовъ и самого Оригена; по крайней мѣрѣ исторія свидѣтельствуетъ, что онъ уже не находилъ невозможнымъ для себя чтеніе его твореній, такъ недавно преслѣдуемыхъ имъ же, и что на чей-то вопросъ о причинахъ такой перемѣны онъ отвѣчалъ памятнымъ словами: «творенія Оригена—садъ полный цвѣтовъ и терній,—я удивляюсь цвѣтамъ и отбрасываю терніе». Униженіе долгихъ братьевъ и безстыдство Θεοφιλα не кончились еще этимъ; когда довели о смерти

Аммонія, патріархъ воскликнулъ: «отъ души оплакиваю его, — это былъ святой монахъ, и я желалъ бы имѣть у себя болѣе таковыхъ!»! Послѣ такой жалкой комедіи нитрійскіе монахи разсѣялись, и только небольшое число ихъ успѣло возвратиться въ Египетъ, удручаемое горькими воспоминаніями.

Оставалось дѣло Гераклида ефесскаго, которымъ и занялся соборъ на тринадцатомъ засѣданіи: этотъ, избравшій Златоустомъ, епископъ былъ сверженъ возставшимъ противъ него населеніемъ и долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Его обвиняли во многихъ преступленіяхъ, а особенно въ корыстолюбіи; обвинителемъ его явился епископъ Магнезіи — Макарій, и эта жалоба естественно повела за собою жалобы всѣхъ азійскихъ церквей, въ управленіе которыми такъ несчастливо вмѣшался Златоустъ. Жалующаяся сторона была здѣсь вся на лицо, страсти были въ полномъ разгарѣ, — и готовилось уже преслѣдованіе противъ всѣхъ епископовъ поставленныхъ Златоустомъ, когда въ Константинополѣ совершились событія, поглотившія все вниманіе собора, прервавшія всю процедуру и въ скоромъ времени вызвавшія уничтоженіе самаго собранія.

VI. Отчетъ собора объ осужденіи Златоуста былъ полученъ императоромъ, который и далъ свое утвержденіе соборному постановленію; но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не было сдѣлано для приведенія въ исполненіе такого постановленія, — и Златоустъ по прежнему продолжалъ занимать епископскій дворецъ и церкви. Такое нерѣшительное состояніе продолжалось три дня, и константинопольская церковь была подвержена въ это время неописаннымъ волненіямъ. Отлученныя Златоустомъ лица съ паглой увѣренностію возвращались къ своимъ церквамъ, но народъ прогонялъ ихъ, или не ходилъ на ихъ служеніе; доселѣ приверженные Златоусту списоны, подъ впечатлѣніемъ соборнаго постановленія, мало по малу

уходили от него, и его дворецъ опустѣлъ. По временамъ являлся къ нему императорскій чиновникъ съ приказаніемъ приготовиться къ оставленію должности; Златоустъ отвѣчалъ отказомъ, чиновникъ удалялся, а императоръ запрещалъ употреблять насилие. Между тѣмъ народъ, собираясь густыми массами около церкви и дома своего архіепископа, соединявшихся между собой галлереей, проводилъ тамъ дни и ночи въ колебаніи между надеждой и страхомъ, воздерживаясь впрочемъ отъ всякихъ угрозъ или оскорбительныхъ словъ противъ императора и его чиновниковъ; одинъ только единодушный крикъ слышался повсюду и проникалъ даже во дворецъ Аркадія: «мы просимъ всеобщаго собора; для суда надъ архіепископомъ нуженъ истинный соборъ!» Таково было слово народа, таково же было и слово Златоуста: «меня осудить, говорили вы, ложный соборъ,—истинный соборъ долженъ оправдать меня здѣсь, въ моей церкви, разсудить между мной и моими судьями». Окруженный живою стѣною преданнаго народа, предъ лицомъ котораго опасно даже было прибѣгать къ насилию, Златоустъ попеременно проводилъ время въ своей церкви и въ своемъ жилищѣ, утѣшая въ одномъ мѣстѣ своихъ служителей и преданное ему духовенство, а въ другомъ—растерявшійся народъ, который, видя и слушая его, былъ полонъ и скорби, и радости. А между тѣмъ распространялись слухи, болѣе и болѣе зловѣщіе: говорили о томъ, что изъ Халкидона отправилась депутація епископовъ къ императору съ просьбой употребить силу для исполненія соборнаго постановленія и поддержанія авторитета собора,—что къ ней пристала сама императрица, расточая всѣ способы своего вліянія на слабого супруга; толковали, что дѣло уже идетъ не объ изгнаніи только, но о смерти. Самъ Златоустъ, при такихъ слухахъ, думалъ о близкой своей смерти и проповѣдывалъ народу покорность воцѣ Божіей: всю ночь совершались

въ городѣ литаніи съ удвоенными молитвами и рыданіями; народъ желалъ, чтобы въ нихъ принять участіе и самъ архі-епископъ, но тотъ, сначала согласившись, подумалъ и сказалъ: «ступайте и молитесь, мой духъ будетъ съ вами».

Изъ такого тревожно-скорбнаго спокойствія, сдерживаемаго вліяніемъ Златоуста, народъ былъ выведенъ безстыднымъ поступкомъ Северіана. Самъ Теофілъ не дерзнулъ еще показываться въ Константинополь, но Северіанъ явился туда на второй же день. Онъ имѣлъ смѣлость войти въ церковь, взойти на кафедру и говорить о совершившихся событіяхъ; онъ представилъ въ своей рѣчи осужденіе Златоуста наказаніемъ за его гордость: «одна его гордость заслуживаетъ, говорилъ онъ, осужденія, еслибы даже онъ и не совершилъ другихъ преступленій». Но слушатели съ такими угрозами подпалили на него, что онъ едва имѣлъ время ускользнуть и переправиться на другую сторону пролива. Между тѣмъ такая оскорбительная выходка противъ прежняго друга и покровителя, изъ устъ котораго Северіанъ недавно еще получилъ прощеніе и миръ, привела Златоуста въ сильное негодованіе: онъ видѣлъ въ этомъ поступкѣ придворнаго епископа, брата императрицы, скрытное намѣреніе самой императрицы, и, отправившись въ церковь къ народу, произнесъ свою знаменитую проповѣдь, которая, по всей вѣроятности, и рѣшила окончательный приговоръ надъ нимъ. «Братья мои, сказалъ онъ волновавшейся около него голѣбъ, яростная буря окружаетъ насъ и ся волны угрожаютъ намъ съ левидѣнною еще силою; но мы не страшимся потопленія, ибо стоимъ на твердомъ основаніи. Пусть бушуетъ море, сколько угодно,—это основаніе не поколеблется; пусть приливаютъ и отливаютъ волны, судно Господа не разрушится. И чего мнѣ бояться? спрошу я васъ. Смерти? скажу съ апостоламъ, что жизнь мнѣ Христосъ, а смерть—приобрѣтеніе. Изгнанія? но вся земля,

со всѣмъ что на ней,—Господни. Лишенія имущества? Но я ничего не принесъ въ этотъ міръ съ собою, ничего и не возьму съ собой. Все, потеря чего заставляетъ трепетать людей, я презираю: я смѣюсь надъ богатствомъ и почестями, которыя такъ вождѣльны для другихъ; для меня равны богатство и бѣдность, и если я желаю еще жить, то для васъ, для заботы о вашемъ духовномъ преуспѣяніи. Я говорю это, чтобы любовь ваша ко мнѣ была полна довѣрія. Нѣтъ, церкви нельзя раздробить,—она нераздѣляема. То, что сказано о мужѣ и женѣ, еще болѣе примѣнимо къ паству и его стаду: они составляютъ одно цѣлое, и то, что соединилъ Богъ, безсилень разрушить человекъ... Скажите мнѣ, что сдѣлали тираны, притѣснявшіе нѣкогда церкви? Гдѣ ихъ орудія пытки, дикіе звѣри и мечи ихъ палачей? Они хотѣли сдѣлать, и ничего не сдѣлали. Молчаніе и забвеніе покрыли навсегда и тирановъ, и орудія ихъ преступленій, а церкви блистаютъ свѣтлѣ солнца на весь міръ. Если же тираны не могли задушить вѣру въ малой горсти христіанъ, то что могутъ они сдѣлать теперь, когда христіанами полна вся земля?.. Они еще не знаютъ насъ! Когда со мной Христосъ, то чего мнѣ страшиться? Его евангеліе, которое я держу въ своихъ рукахъ,—моя опора и моя безопасность. Пусть поднимаются бури, бушуютъ волны, пусть устремляются на меня море, злоба князей и сильныхъ...,—для меня все это такъ же слабо, какъ паутина; если взаимная любовь не удерживаетъ меня въ этомъ мѣстѣ,—мнѣ нисколько не трудно пойти въ другое... А знаете ли вы, возлюбленные мои братья, за что хотятъ погубить меня? За то, что я не разстилалъ предъ собой богатыхъ ковровъ, не облекался въ золотыя и шелковыя одежды, не держалъ открытаго стола для удовлетворенія чуждаго обжорства. Порожденія ехиднины всегда сильны; живо еще потомство Іезавели, борющееся противъ Іліи; жива еще

Иродіада,—она пляшетъ еще, требуя головы Іоанна,—и ей дадутъ голову Іоанна, потому что она пляшетъ. Поистинѣ, братья мои, плачевное нынѣ время; все стремится къ нечестію, и одно только богатство дать здѣсь силу и славу. А между тѣмъ еще Давидъ сказалъ: *богатство, аще течетъ, не прилагаетъ къ нему вашего сердца*. И это сказали человѣкъ, сидѣвшій на царскомъ тронѣ, правившій полновластно своимъ царствомъ и никогда не бывшій въ этомъ управленіи рабомъ жены. О горе женщинамъ, закрывающимъ свой слухъ отъ небесныхъ увѣщаній! Опьянѣлыя отъ жадности и гнѣва, онѣ подаютъ своимъ мужьямъ злыя совѣты и легко увлекаютъ ихъ къ несправедливостямъ». Въ этой проповѣди, смыслъ которой былъ довольно ясенъ, великій ораторъ допустилъ нѣкоторую игру словъ: *евдоксія* по-гречески значить *слава, честь, адоксія*—напротивъ *безчестіе, безславіе*; говоря о томъ, что нынѣ царствуетъ несправедливость и все стремится къ нечестію, Златоустъ употребилъ слово *адоксія*, напоминавшее по созвучію имя императрицы,—и намекъ былъ уже слишкомъ ясенъ.

На другой же день послѣ проповѣди явился къ Златоусту придворный Аркадія, и именемъ императора потребовалъ, чтобы онъ немедленно оставилъ столицу: «императоръ не хочетъ, сказалъ онъ, ни малѣйшей остановки; уже готово судо для отправленія тебя въ мѣсто изгнанія; при малѣйшемъ сопротивленіи мнѣ приказано употребить силу». Мысль о возможности, въ случаѣ несогласія съ его стороны, цѣлой битвы подъ стѣнами церкви и страннаго кровопролитія—ужаснула Златоуста, и онъ, приблизившись къ императорскому чиновнику и его свитѣ, сказалъ имъ: «я готовъ, ведите меня, куда вамъ угодно». Тотъ поручилъ надзоръ за нимъ одному изъ главныхъ полицейскихъ агентовъ, а самъ съ своей свитой вышелъ изъ архіепископскаго дворца, едва пробиваясь

сквозь окружавшую его толпу. Въ галлерей, отдѣлявшей церковь отъ архіепископскаго дома, былъ тайный выходъ въ одну изъ глухихъ городскихъ улицъ; этимъ-то выходомъ проскользнули незамѣтно Златоустъ и его стражъ, и скрывались до вечера въ одномъ сосѣднемъ домѣ, а при наступленіи ночи отправились боковыми улицами къ гавани, надѣясь пройти незамѣченными. Но когда они уже приближались къ ней, нѣкоторые изъ простонародья узнали Златоуста,—и по городу мгновенно разнесся слухъ, что архіепископа похищаютъ отъ нихъ. Тогда устремились къ гавани цѣлыя толпы, съ намѣреніемъ воспрепятствовать тому; но Златоустъ сдержалъ ихъ своимъ вліяніемъ: «не препятствуйте, сказалъ онъ, моему отъѣзду; я долженъ повиноваться императору, и ни одна капля крови моего народа не должна быть пролита изъ-за меня; свое дѣло я оставляю будущему собору». Наступавшая темнота способствовала еще болѣе его удаленію; у гавани ждалъ императорскій чиновникъ съ воинами и матросами,—они окружили Златоуста, взобрали съ нимъ на корабль и тотчасъ же отправились въ путь. Достигнувъ города Гіерона, военнскаго порта, корабль присталъ къ берегу ночью же; стражи высадили Златоуста, а сами немедленно отправились назадъ. Выборъ этого мѣста, сосѣдняго съ Хадкидономъ, показался Златоусту подозрительнымъ; не предавали ли его этимъ, думалъ онъ, въ руки его враговъ, что для него было бы стократъ хуже самой смерти. Поэтому, еще до наступленія дня и прежде полученія извѣстія городскими властями, онъ нанялъ небольшое судно и отправился вдоль берега въ городокъ Препетъ, на противоположной сторонѣ Никомидіи: тамъ по сосѣдству была одна уединенная вилла, съ владѣльцемъ коей онъ былъ знакомъ, гдѣ онъ и рѣшился укрыться. Первымъ движеніемъ его, по достиженіи гостепріимнаго убѣжища, было броситься на колѣни и призвать небесное покров-

вительство на константинопольскую церковь, которую «онъ никогда не оставлялъ, потому что, по его словамъ, всегда носилъ ее въ своемъ сердцѣ». Это бѣгство было такъ удачно и тайно, слѣды были такъ скрыты, что всѣ, и самъ чиновникъ, были увѣрены въ томъ, что изгнанныкъ находился въ мѣстѣ для него назначенномъ.

Ночь похищенія Златоуста была для Константинополя печальною, траурною ночью, и изображается исторіей въ трогательной картинѣ. Недавно еще яростная и возбужденная масса народа стала вдругъ молчаливо-угрюма, и устремилась въ церкви молиться и просить у неба возвращенія своего отца, отнятаго людьми; когда не вмѣщали ее церкви, она молилась на улицахъ и площадяхъ, наконецъ вслѣдъ, такъ что, по словамъ самого Златоуста, «весь городъ превратился въ одну церковь». Дома опустѣли: мужчины, женщины и дѣти, рабочіе, моряки и купцы,—всѣ стремились участвовать въ этомъ вихрѣ мольбы и стонъ, поднимавшемся къ небесному правосудію; одинъ только, раздававшійся по временамъ вопль: «пусть созовутъ всеобщій соборъ» напоминалъ о земныхъ страстяхъ. И дѣйствительно, оставалось теперь только это одно средство. Когда на слѣдующій день утомленный народъ сталъ было расходиться, прибылъ изъ Халкидона, Теофилъ и во главѣ собравшихся александрійцевъ торжественно вступилъ въ столицу, подобно церковному побѣдителю. Къ нему устремились всѣ скрывавшіеся доселѣ клирики: онъ награждалъ усерднѣйшихъ, снялъ отлученіе съ недостойнѣйшихъ, и щедрой рукой, раздавалъ посвященія, повышенія и награды каждому приходящему; онъ уничтожилъ всѣ распоряженія Златоуста и приказалъ всѣмъ отлученнымъ пресвитерамъ вступить опять въ завідываніе своими церквами. Но раздраженный народъ воспротивился послѣднему распоряженію и прогнать самого Теофила, когда тотъ хотѣлъ было вступить

въ архіепископскую церковь. Окружавшіе Оеофила александрійцы схватились за оружіе, но встрѣтили энергическое сопротивление со стороны народа,—и началась схватка: церковь и баптистерія наполнились трупами, и человѣческая кровь текла ручьями. Ожесточеніе народа усилилось, когда городскія власти выслали противъ него войско: тогда стали сражаться повсюду, каждая церковь сдѣлалась крѣпостью, и солдаты должны были приступомъ брать ее у народа; священныя мѣста наполнились кровью, крики проклятія и дикой ярости замѣнили тамъ гимны милосердія. Хотя константинопольскіе монастыри были вообще враждебны къ Златоусту, думавшему закрыть ихъ, но одинъ изъ нихъ принялъ его сторону, выгналъ пришельцевъ, а потому и на монаховъ устремились солдаты: они убивали ихъ въ церкви, гонялись за ними по кельямъ и улицамъ, когда тѣ думали спастись бѣгствомъ. Языческій писатель замѣчаетъ по этому случаю, что при этомъ подъ ударами солдатъ погибли многіе изъ городскихъ жителей, которые по какому либо случаю носили черную одежду и походили на монаховъ. Все это, какъ кажется, было очень пріятно язычникамъ, торжествовавшимъ при видѣ избіенія христіанами же людей въ черныхъ одеждахъ, ихъ смертельныхъ враговъ, разрушителей ихъ храмовъ и нарушителей ихъ мистерій. Таково было вступленіе въ Константинополь египтянина, какъ называли Оеофила іоанниты! Наступившая ночь сопровождалась еще новыми ужасами: началось землетрясеніе въ предмѣстьи Гебдомона, и съ особенной силой отразилось внутри города и самаго дворца императорскаго; въ комнатѣ императрицы сильно затряслось самое ложе. Испуганная Евдоксія думала, что настала ея послѣдній часъ; блѣдная, съ распущенными волосами, она ворвалась въ комнату своего супруга и съ отчаяніемъ воскликнула: «человѣкъ, котораго изгнали мы,—праведникъ, Самъ Богъ мститъ за

него; если ты хочешь спасти имперію, то возврати его немедленно». Съ плачемъ и мольбой она стояла колѣнопреклоненная до тѣхъ поръ, пока императоръ не далъ ей клятвеннаго обѣщанія исполнить ея просьбу; тогда только она вышла, и сама написала Златоусту слѣдующее посланіе: «умоляю твою святость не думать, будто я принимала участіе во всемъ совершившемся съ тобою,—я не повинна въ твоей крови, а виновны злые и коварные люди, составившіе противъ тебя заговоръ; Богъ свидѣтель истины моихъ словъ, какъ и моихъ слезъ въ настоящую минуту».

Не наступилъ еще день, какъ уже придворный чиновникъ получилъ отъ императрицы приказъ отправиться къ Златоусту и вручить въ собственныя его руки означенное письмо, съ словеснымъ объявленіемъ, что императрица желаетъ его возвращенія и что оно только одно можетъ спасти городъ отъ гибели. Первый посланный еще не возвращался, а нетерпѣливая Евдоксія послала другаго, за нимъ третьяго... Народъ, видя это, сталъ бояться, что отъ него скрываютъ что-то злое, и множество людей бросилось разспрашивать Златоуста, такъ что море между Фракіей и Византіей покрылось безчисленными кораблями. Долго искали его въ Гіеронѣ и окрестностяхъ, и наконецъ открыли его убѣжище. Изумленный такой внезапностію и страшась какихъ либо козней своихъ враговъ, Златоустъ сначала колебался, и только прибытіе Бризона, перваго камергера августы, человека честнаго и благочестиваго, не смотря на привязанность къ императрицѣ благожелательнаго къ Златоусту, и его объясненія разсѣяли его подозрѣнія и побудили къ возвращенію. Приближаясь къ Константинополю, они увидѣли весь Босфоръ освѣщеннымъ огнями, зажженными на судахъ, берегу и гавани, такъ какъ была уже полная ночь. Такой торжественный пріемъ, сдѣланный народомъ своему епископу, глубоко тронулъ Злато-

уста. Но онъ не хотѣлъ высадиться въ главной гавани: «ниж-
ложенный епископъ, говорилъ онъ, можетъ вступить въ свою
церковь только послѣ законнаго оправданія его соборомъ», и
присталъ къ сосѣднему предмѣстью. Напрасно императрица,
въ самыхъ смиренныхъ и настойчивыхъ выраженіяхъ, просила
его немедленно войти въ городъ, изъ опасенія новыхъ смутъ,—
онъ упорно стоялъ на своемъ; но дѣло было покончено на-
родомъ, который отыскалъ его въ предмѣстьи и насильно
повлекъ къ архіепископской церкви. Тамъ умоляли его взойти
на епископское сѣдалище и произнести привѣтствіе мира;
когда онъ отказывался по тѣмъ же причинамъ, тогда сильше
изъ толпы схватили его и противъ воли посадили на немъ,
а распростертая на землѣ масса просила его благословенія.
Что оставалось дѣлать Златоусту? Растроганный до слезъ, онъ
преподавъ благословеніе народу. Хотѣли слышать его красно-
рѣчивое слово, какъ бы желая увѣриться въ его присутствіи:
онъ возшелъ на амвонъ и сказалъ импровизированную рѣчь,
нѣкоторые отрывки которой успѣли записать скорописцы. Онъ
избралъ текстомъ одно мѣсто ветхаго завѣта и примѣнилъ
его къ себѣ и тѣмъ событіямъ, которыя поколебали было на
время его епископскій авторитетъ. «Мы читаемъ, говорилъ
онъ, въ священныхъ книгахъ, что когда Сарра, жена Авра-
ама, попала въ руки Фараона египетскаго, желавшаго освер-
нить ея чистоту,—чудо спасло ее и явило небесную помощь
праведному Аврааму, отчаявшемуся въ помощи человѣческой.
Тоже самое случилось и съ моею церковію, чистоту которой
думалъ помрачить египтянинъ: цѣлый день, подобно Саррѣ,
оставалась она во власти этого непріятеля, и подобно ей оста-
лась невредимою. И какъ Сарра вышла изъ дворца египет-
скаго Фараона съ подарками и сокровищами, такъ и церковь
константинопольская вышла изъ своего плѣна болѣе блестя-
щею и чистою, вознося къ небу сокровища своей вѣрности».

Законный епископъ торжествовалъ надъ коварнымъ египтяниномъ, пастырь церкви—надъ сильными міра. Златоустъ восхвалилъ августу, преклонившую подъ вліяніемъ ужаса свое чело: онъ хвалилъ ея благочестіе, говорилъ о ея стараніяхъ возвратить его въ столицу и прочиталъ ея письмо къ нему; къ этому онъ прибавилъ тѣ слова, которыя она велѣла придворному чиновнику передать ему лично, во время его прибытія, и которыя были таковы: «я успѣла сдѣлать доброе дѣло, котораго такъ пламенно желала: я возвратила главу тѣлу, кормчаго—кораблю, пастыря—стаду; такой успѣхъ драгоцѣннѣе для меня самой короны».

Во всемъ этомъ слышалось примиреніе: все успокоилось въ Константинополѣ, но крайней мѣрѣ на время, и разнымъ возмутителямъ, завистникамъ и интриганамъ оставалось одно изъ двухъ—бѣжать или скрываться. Дѣйствительно, халкидонскій соборъ разсѣлся въ тотъ же день, не доведя до конца процесса Гераклида; Северіанъ табальскій поспѣшилъ возвратиться въ свою епархію; самъ Теофилъ, котораго константинопольскій народъ хотѣлъ бросить въ море, если онъ еще разъ покажется, уѣхалъ изъ Халкидона въ Египетъ со всѣми своими епископами. Снова возвратившій себѣ благосклонность императора, Златоустъ не переставалъ просить о созваніи въ Константинополѣ великаго собора, который бы отмѣнилъ акты ложнаго халкидонскаго собора и далъ бы ему самому каноническое оправданіе. Императоръ уступилъ его желанію, и декретъ о созваніи собора былъ подписанъ. Такъ кончилось это первое, трагическое покушеніе на авторитетъ, доброе имя и самую жизнь Іоанна Златоуста.

Ю.

